

В ЭТОМ НОМЕРЕ
СВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

ТАТЬЯНА
ГОРДЕЕВА
Полиция, Шаранов!
с. 1

АЛЕКСАНДР
КАРПЕНКО
Пережить цунами
с. 3

АЛЕКСАНДР
КОЗЛИК
*Самый великий
фальшивомонетчик*
с. 4

РАССКАЗ
Оперуполномоченный
с. 5

МИХАИЛ
ПЕТРОВ
*Малая эстонская
пластика советского
времени. Таллинн.
Горожане*
с. 6

ВЛАДИМИР
ПООЛЬ
Трагедия Главкома
Отрывки из книги
*«Верховный Главнокомандующий
эстонской армией Йохан Лайдо-
нер. Заключение № 11»*
с. 9

ВЛАДИМИР
ПРОКОФЬЕВ
Стихи
с. 19

ГОРДЕЕВА ТАТЬЯНА

Было жаркое лето. Окна, громоздкие деревянные окна, недюжинными усилиями оттопыренные на небольшие щели, подпертые дыроколами, не давали никакой прохлады. Сторона была солнечная, и даже настезь открытые двери не создавали никакой воздушной тяги.

Мимо по коридору целеустремленно проходил Киря – начальник одного из отделений кримки, и, как бы вдруг заметив меня, притормозил и спросил, могу ли я ему уделить время. Если прямо сейчас не очень занята.

Это как если бы бог войны Арес, пролетая мимо, вдруг обратил на меня внимание. Страшно и интересно. Я, как наивный моряк на чарующие песни сирен, повелась на говорящего. Так мы дошли до кабинета с аппаратурой, по дороге к которому я узнала, что меня просят всего лишь позвонить по одному номеру и поговорить. «Какая мелочь! – подумала я. – Что ж не оказать услугу?» В голове далекой мыслью пробежало «почему я?» и чудился какой-то подвох, но надо было сосредоточиться на деле.

Киря, поднимаясь по лестнице, пояснял: ну у нас тут одно преступление было, лучше тебе не знать подробности, ну, в общем, там забили насмерть девушку и труп выкинули на помойку, мы выяснили, кто это, но надо их выцепить из квартиры, чтоб они поверили тебе и назначили встречу. «А-а-а, «провокация преступления» называется», – вспомнила я учебник.

В кабинете Киря-Арес начал настраивать какие-то железные ящики, проверять провода и нажимать рычажки. Обсудили легенду, мол, моя соседка зашла, взяла в долг до завтра 30 крон, и вот уже третий день не возвращает долг. Номер телефона я узнала, нажав на повтор последнего, который она набирала, – гласила придуманная им история. Я слышала, что где-то уже есть кнопочные аппараты, в которых можно было так сделать: нажать на какую-то кнопку и наберется последний номер. Волшебство из будущего.

* Татьяна Гордеева в 1992–1998 годах служила в отделах экономических преступлений Таллиннской и Харьковской префектур полиции в должностях инспектора, старшего, затем – ведущего. С 1998 года продолжила работу юристом вне полиции.

Полиция, Шаранов!

В общем, мне надо было позвонить и спросить: где мои деньги? Чё, она там загуляла, штоли? Пора типа возвращать. Девушка была простая, разговаривать надо было на народном языке, и я его знала, выросши в похожем районе.

И вот набор дискового телефона – дыр-дыр-дыр, рычаги – щелк, щелк, железные ящики – гууу-у-у. С той стороны кто-то взял трубку, я начала диалог. Грю, соседку мою, не помню сейчас, как звали, предположим, Галя, грю, Галю позовите!

А тут и папа Зевс подтянулся: в кабинет вошел главный – начальник отдела, гроза и авторитет Лубянки. Он кивнул Кире, Киря шепотом: «Звоним», начальник: «Записываете?», Киря: «Нет», начальник: «Что ж вы делаете, срочно клади трубку!» Я сказала в телефон «Щас перезвоню» и положила трубку. То есть оказалось, что и начальник что-то знал и, очевидно, был в сговоре. Я все больше начинала понимать, что меня во что-то втягивают, не до конца объясняя, во что.

Арес с Зевсом что-то помудрили с ящиками, и опять: дыр-дыр-дыр, щёлк, щёлк, гууу-у-у. Я снова: «Галю позовите! Деньги свои хочу получить! Пусть отдаст!» В ответ что-то невразумительно мычали. Я настаивала: что такое, что за развод такой дешевый, где моя тридцатка? С той стороны вдруг взял трубку кто-то вменяемый и твердым, даже вкрадчивым голосом стал задавать уточняющие вопросы. Я добросовестно и спокойно отвечала, потому что мы эти возможные вопросы предварительно обсудили с Кирей. И вдруг с другого конца провода спрашивают: «А сколько ей лет?» Нда-а-а... об этом-то мы и не договаривались, я даже не могла предположить возраст погибшей. Однако уже будучи к тому времени законченным юристом, я знала, что главное – не сдаваться ни в коем случае. Всегда надо найти ответ. Или придумать.

Я задумчиво посмотрела на Кирю, Киря – на меня, подсказать он мне уже ничего не мог, поздно, все происходило за миллисекунды, паузы не было. Я говорю в трубку: «Ровесница моя. Ты что, меня допрашиваешь? Не веришь, что она деньги взяла? Спроси ее саму, да где она там? Что, говорить со мной боится?» Мне тот же уверенный голос сказал: «Давай встретимся, мы

тебя к ней отвезем, сама у нее и спросишь». На том и порешили: через два часа на трамвайной остановке.

Я с чувством выполненного долга и гордостью за оказанную коллегам помощь положила трубку. Киря: «Ну, теперь на встречу сходить надо», я, еще тормозя от пережитого волнения, улыбаясь, глядя на Ареса и Зевса доверчивыми глазами буренки, кивала: да-да, кому-то надо на встречу пойти. Киря: «За два часа мы тебя подготовить сумеем». Я: «Что? Мне идти на встречу?!» Начальник с Кирей закивали: да, а что такого? Ты же по телефону говорила, кто ж теперь пойдет? Зевс – Аресу: «А что, ты ей не сказал?» Обсуждали меня при мне. Киря: «Да ничего страшного, сходишь, мы их увидим и повяжем всех. Ты ж нам доверяешь? Тебе только с ними поговорить немного надо, мы запишем через прослушку». – «То есть еще и с прослушкой?» – «Да это несложно, мы тебе все объясним, отдохни часок». Ага, безумству храбрых – венки со скидкой.

Я вернулась в свой кабинет. С одной стороны, жутко интересно, прям как в «Место встречи изменить нельзя», опять же коллегам помогаю. С другой стороны, попасть в историю, как Шаратов, мне не очень-то и хотелось, это же жизнь, а не кино. Инстинкт самосохранения боролся с азартом. Победили чувство долга и то прекрасное греющее ощущение, что выпал шанс по-настоящему сразиться за Добро.

Где-то через час показали мне прослушку, и это был ужас: какая-то черная коробочка размерами сантиметров 7 на 2, с черным твердым проводом в диаметре миллиметра 3. Казалось, Евно Азеф собрал ее для своих нужд 90 лет назад, и вот она какими-то замысловатыми путями оказалась в таллиннской префектуре. А лето же, я – в цветах яичной скорлупы, почти в белом, прилегающем платье чуть выше колен. От бедер платье немного расширялось, решили прикрепить мне эту коробочку к внутренней стороне бедра. Примотали эластичным бинтом. Не спрашивайте, как я с этим передвигалась. Преступники как знали, что мне трудно далеко ходить, и назначили место встречи близко, как будто жалея меня. Я думала, что этой коробочкой протру ногу до кости. К животу приклеили провод лейкопластырем, скотчей еще не было.

Я б с собой такой, будучи бандитом, не стала бы встречаться: белое платье, и сквозь него видно, что почему-то странно перемотано одно бедро, а вдоль живота идет какой-то черный шнур, уходящей в лиф. Я бы пристрелила бы себя такую на подходе.

А что делать? Другой одежды для встречи не было. Пальто не наденешь – на улице пекло. Опера: да ладно, почти не видно. Киря остался со мной один. «Ксиву давай». Я автоматически достала из сумки удостоверение сотрудника, он забрал мою ксиву и положил в ящик. Я с тоской проследила за его движением. Он: «Если что, не сознавайся». Я как-то растерялась: удостоверение – как продолжение руки, я без него из дома не выхожу, не понимаю, о чем это он. Киря: «Ни за что не сознавайся, что ты из полиции, а то живую мы тебя у них не отобьем». Тут меня как-то внезапно стало подташнивать. Инстинкт самосохранения: «Аа-а! Беги и прячься!» Азарт: «Вот оно, настоящее приключение!» Ответственность: «Это же для важного дела. Помни, ты на стороне Светлых. Просто сделай. Это же не фильм-ужастик. Как сходить на первое свидание да нелепо и страшно закончить свою жизнь, – это произошло на самом деле».

Прыжки с парашютом, горные лыжи, скалолазание – говорите, острые ощущения? Экстрим и выброс адреналина? После описываемого и подобных моих приключений где-то через год я прыгала с парашютом, как в соседний кабинет выходила: открыли дверь, и я вышла. А может, к тому времени у меня уже адреналин закончился? Когда-то же он заканчивается, наверное.

Смутно помню суету вокруг и взгляды оперов: одобрительные, даже немного восхищенные, кто-то странно на меня смотрел, как... на обреченную? Мне некогда было отслеживать чувства, я была сосредоточена. Надо было встретиться и поговорить, задать вопросы, ответы на которые необходимо записать на прослушку. Предложили коньяка, выпила грамм 20, ничего не почувствовала. Подумала: люди просят перед смертью покурить, они ощущают при этом что-нибудь? Или, как и я, на фоне всех восставших гормонов пытаются осознать, что вот оно – их последнее действие в жизни?

Пошла на трамвай, доехала до остановки, вышла и стала ждать.

Остановка была придушена пеклом и пылью, одета в советский ситец и турецкий ширпотреб с рынка. Приходили-уходили трамваи. Я не оглядывалась, но знала, что опера прячутся за машинами, чтобы выходящим из трамвая их не было видно. Мне надо было думать о другом: как бы так стоять, чтоб не очень перемотка со шнуром видны были. Я пыталась держаться расслабленно с как бы ненапряженно скрещенными ногами и распо-

ложив руку на проводе, но не касаясь его, а то вдруг что-нибудь отвалится. Ну так, стоит девушка, нервничает, свидание, наверное. Середина дня, солнечно, но я ощущала запах свежего хлеба в громыхающей на дороге машине, в которой насильно увозили Шаратова. Меня даже начало укачивать от тряски в ней. Темный вечер, морозящий дождь и холод.

Рядом с остановкой был поворот дороги, где и припарковались «жигули», из машины вышли два парня и направились ко мне. Третий закрыл машину и тоже двинулся в мою сторону. И тут один из подхитивших спрашивает: «Ты, что ли, Аня будешь?» Я еле сдержала истерический смех, потому что... узнаете? да! Фраза была из сериала! Надеюсь, ничего не отразилось на моем лице, я сказала: «Чё? Какая Аня?» и назвалась именем по легенде, говорю, мы с вами по телефону общались. Парни настойчиво подходили ко мне ближе, а я пыталась соблюсти Кирину инструкцию «ни в коем случае не давай к себе приблизиться, чтоб они не могли схватить тебя». Я начала понемногу пятиться: на каблуках, прикрывая сумочкой перемотанную ногу и рукой как бы придерживая себя за ворот, чтоб не был виден шнур – та еще картинка! Диалог пока не успел развиваться, я только спросила «Ну где Галя-то?», они: «Сейчас к ней поедем», как третий, подхитивший позже, к чему-то стал внимательно приглядываться за моей спиной...

Да, прикрытие было расставлено из расчета, что на встречу со мной люди выйдут из трамвая, а не из-за поворота. Из-за поворота были видны притаившиеся опера, которые с этим внезапным появлением с другой стороны улицы не успели перестроиться, и водитель «жигулей» узнал сотрудника кримки – оказалось, они недавно встречались на допросе. Один из этой троицы дернулся ко мне, я – от него, мне крикнули «Отходи!», и началась движуха. Наши меня оттерли от незнакомцев, я облегченно вздохнула и отошла на десяток метров. Полицейских сил хватило на то, чтобы поймать всех уже попытавшихся разбежаться бандитов и позасовывать их в подъехавшие машины.

Я немного отрешенно вместе с другими стоявшими на остановке людьми наблюдала эту сцену.

В это время к машинам подбегает один сотрудник с Лубья. Ну как подбегает – подкатывается: грузный, круглый, как арбуз, с двумя натуральными арбузами подмышками и с какой-то авоськой с продуктами. «Ребзя, – говорит, – вы на базу? Подвезите меня,

а? Я с рынка тут, подкиньте, чтоб не тащиться». Опера: давай, садись.

Для передачи этих ощущений, как после фразы про Аню и с этой миниатюрой про инспектора с арбузами, сейчас придумали смайлик-эмодзи: рыдающий и смеющийся одновременно. Чистая шизофрения, раздвоенные личности. Когда не знаешь, хохотать или плакать. Как и было со мной в тот момент. Сюжет Кивинова.

Я вернулась в префектуру и сдала непригодившуюся прослушку, да прослушка бы так и так не сработала – не слышно ничего из-за лязга трамваев. Не дурак был тот, кто назначал встречу.

Опера одобрительно на меня посматривали. У, я заслужила уважение самого сурового отделения кримки! Так окончилась моя «игра в Шарапова».

Как я узнала позже, одновременно с нашей операцией на остановке проводили облаву на квартире. Мне сказали, что арестовали всех причастных. Несмотря на то, что на прослушку ничего не записалось, после суток усердной работы всего отделения и даже еще не знаю кого убийство было раскрыто. Эта квартира была настоящим

логовом – с оружием, наркотиками, каждому присутствующему нашлась статья УК.

Я этого не видела, мне только рассказывали. Если б я в этом расследовании участвовала, то сразу бы из полиции уволилась. Мне важно понимать человека. Я, например, понимала мошенников, с которыми работала. Я понимала, что они хотят быстро получить много денег. Мне было стыдно за них – как они до такого докатились, когда-то же они были хорошими и честными людьми. И неловко прищучивать их в этом. Как истинно интеллигентный человек – если при нем с кем-то произошел неприятный казус, надо сделать вид, что не заметил, а не разводить уголовное дело с подробным описанием умысла или неосторожности.

А я не могла понять, как можно совершить убийство. Не по неосторожности. И не с какой-то целью. А просто. Бедная девушка, наверное, такая же доверчивая, как я.

Спустя два года я случайно узнала, что, оказывается, на это действие со звонком и встречей предварительный конкурс был, и меня выбрали из

четырех кандидатов. Подробности не рассказали, но моя богатая фантазия поспешно дорисовывала: мы на подиуме. Нет, при чем тут вид в купальниках! Мы в спортзале. Хм, убежать бы я все равно не смогла, сопротивляться – недолго. По каким критериям нас отбирали? Что же они могли обо мне такого знать, я-то не особенно была с ними знакома.

Я – к Кире: «Оказывается, был отбор? А выглядело, как будто тебе на ходу мысль пришла». Он загадочно заулыбался. Говорю: «А почему меня?» Он: «А помнишь вопрос «Сколько ей лет?» Мы упустили это в легенде. Мы были уверены, что только ты выкрутишься из этой или подобной ситуации. И не ошиблись». Я вспомнила, как вошла в роль и вдохновенно врала в трубку, справляясь со всеми прямыми и косвенными вопросами. Как, как они могли это обо мне знать?.. Представляю, на меня в секретном архиве хранится папка с записью: «Если вам нужно заслать кого-то в пасть к крокодилу, чтоб он весело и убедительно развешивал лапшу по всем зубам, это и есть нужный вам человек, берите».

КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР

Пережить цунами

В начале наступившего тысячелетия произошла одна из самых крупных трагедий в мире, унесшая более 200 тысяч жизней, – землетрясение и последовавшее за ним цунами в Индийском океане. Эта далекая от России трагедия, как ни странно, коснулась и моей семьи.

«По предварительным данным, в результате сильного землетрясения в Юго-Восточной Азии и вызванного им цунами погибли не менее 23 тысяч человек, в том числе в Таиланде погибли 839 человек и 5 тысяч получили ранения. В районах бедствия остаются серьезные проблемы со связью в результате перебоев с подачей электроэнергии. Постоянный секретарь МИД Таиланда констатировал наличие значительных трудностей в ликвидации последствий катастрофы» – таково было первое сообщение информационного агентства в тот ранний декабрьский день о происшедшей трагедии.

27 декабря, утро. В моей квартире раздается телефонный звонок. Звонит мать, плачет. Говорит, звонил Игорь, мой младший брат, находящийся на отдыхе в Таиланде, на острове Пхукет. Оказывается... он попал под цунами, далее связь с ним прервалась.

Игорь после окончания в 1993 году Санкт-Петербургского технического университета поступил в университет города Сан-Хосе, штат Калифорния. Пришлось ему тогда трудиться на четырех работах, чтобы оплатить обучение в университете. Впрочем, потом ему все же удалось устроиться в солидную фирму в Сан-Франциско, и жизнь как-то наладилась.

Трагизм ситуации заключался в том, что, являясь гражданином России, он уехал отдыхать из США в частном порядке.

Сразу возник вопрос: к кому обращаться за помощью и наводить справки? В одно мгновение далекая от нас трагедия стала моей личной. Смотрим новости по всем каналам. Говорят: не исключается повторение стихии... От Игоря вестей нет! Что делать?

Вспомнил свою бывшую профессию. Решил действовать! Нашел телефоны. Звоню в генеральное консульство России в Сан-Франциско. Объясняю ситуацию. Выслушивают и отсылают в МИД России. Звоню им. Отвечают: «Обращайтесь в консульство России в Бангкоке». Дозвонившись до консульства, узнаю, что консул находится на месте катастрофы. Записали мои координаты и обещали мне помочь.

И вот, через несколько томительных дней ожидания раздается звонок от Игоря: «Все в порядке, 2 января улетаю домой». И вскоре мы уже слушали его рассказ:

«Прилетел в Таиланд под католическое Рождество. Это самое благодатное в тех краях время отдыха. В отеле, где я остановился, произошло первое событие, спасшее мне потом жизнь: «Извините, мест на первом этаже нет. Не возражаете, если поселим вас на второй?» Ну что поделаешь? Согласился. Дело в том, что из номеров первого этажа через стеклянные двери можно выйти прямо на пляж, что очень удобно.

Второе счастливое для меня событие произошло на следующий день в 9 часов утра. Цунами в это время уже приближалось к острову. Заказанный на экскурсию автобус опаздывал на 15 минут. Чтобы не терять времени и фотографировать пейзажи, решил сходить на пляж. Иду... Вдруг вижу, мимо меня от моря бежит толпа. Что меня удивило, бегут в полном молчании. Думаю, наверное, драка! Иду дальше. Один из бегущих кричит мне: «Шторм!» Какой, к черту, шторм! Небо чистое, на горизонте вода спокойная. Опустил взгляд ниже

и ужаснулся! Вижу, как стремительно движется черная стена воды с белыми всплесками на гребне, вроде солнечных протуберанцев. Побежал обратно. Уже у входа в отель услышал страшный удар. Это первая волна ударила о береговые постройки. В номере забираю документы, деньги и фотоаппаратуру. В окно вижу – первый этаж затоплен полностью, а там же люди, бежавшие со мной! Все погибли. Забираюсь на крышу трехэтажного отеля. Особого страха не ощущаю. Знаю, плаваю хорошо, спасусь. Но когда увидел, что вокруг не видно берегов и везде вода, понял: возможно, это конец! Стало действительно страшно.

Выдержал с оставшимися в живых людьми все удары стихии. Их было четыре или пять, точно не помню. Самый страшный был второй. Первая волна еще не ушла, а по ней пошла вторая. Весь ужас длился около 30 минут, а мне показалось, что целую вечность. Запомнил: плачущего мужчину, немца, куда-то звонившего; женщину, привязавшую к себе годовалую девочку; летающие в небе вертолеты; кричащих людей и... мертвого котенка. Как он попал на крышу, не знаю. Смотрю на него, кругом ужас, гибнут люди, а мне... котенка жалко! И еще ужасало яркое солнечное небо: вдали – тихая гладь воды, а в трех метрах от тебя бушует

стихия и тонут люди! А ты на крыше и не знаешь, что тебя ожидает... Какая-то фантазмагория. Такого в природе просто не бывает!

Но самое страшное было еще впереди, когда вся масса воды пошла обратно, уничтожая все, что осталось, чудом выжило и уцелело. Громадные холодильные камеры, кондиционеры и все, что сорвало волной, убивали людей и разрушали уцелевшие постройки. В это время я фотографировал. Сделал около тридцати снимков.

Кто-то нам крикнул: «Надо уходить, вода спадает!» Шли по пояс в воде. Хорошо, что успел надеть кроссовки. Идти было просто невозможно, «орет» сигнализация автомашин, стоит вонь от прорвавшейся канализации, под ногами битое стекло. Боялся потерять сознание и утонуть в этой массе воды, грязи и фекалий. Натянул на лицо футболку. Дышать стало легче. К нашему счастью, мы все же выбрались из зоны бедствия.

Уйдя в глубь острова, я понял масштабы происшедшего. Уехать с острова нельзя. Нашли деревню, стоявшую в воде на деревянных сваях. Как ни странно, она уцелела. Жили в ней несколько дней, потом перебрались в глубь Таиланда.

Улетая, в аэропорту видел много официальных представителей от разных государств. Рядом с ними на сто-

лах стояли флаги их стран и лежали мобильные телефоны. Любопытный гражданин этой страны мог (бесплатно) позвонить и сообщить о себе.

Вот так для моей семьи закончилась эта трагедия. Неприятно было потом услышать отзыв о ней одного человека: «Так им и надо, нечего разврат на курортах устраивать!» Когда же мы станем добрее?..

КОЗЛИК АЛЕКСАНДР

Самый великий фальшивомонетчик

В 1951 году во Франции обнаружили поддельную купюру достоинством 1000 франков. Франция вообще славится своими поддельными деньгами, но появление этой купюры вызвало особый интерес. Дело в том, что бумага была подлинная, использован метод глубокой печати и водяные знаки нанесены верно. Распознать подлинность купюры было возможно только экспертам.

Комиссар Э. Бенаму приступил к поиску преступника. Свыше 12 лет ему понадобилось, чтобы он смог задержать и изобличить его. Появление поддельных купюр происходило мелкими партиями в разных городах, что делало преступника практически неуязвимым. В 1957 году появилась поддельная купюра достоинством в 5000 франков, а в 1960-м – новые банкноты достоинством в 100 франков.

Все попытки напасть на след преступника или преступников были безуспешны. Комиссар Э. Бенаму поставил вопрос перед правительством об обнаружении появления поддельных купюр и обращении к помощи граждан по задержанию преступника. Но с ним не согласились, так как боялись паники среди населения, да и назвать конкретные признаки, по которым можно отличить поддельную купюру от подлинной, было практически невозможно. Комиссар был вынужден по крупицам продолжать собирать сведения о появлении поддельных купюр и в надежде на выявление сбытчика.

Наконец, кропотливая работа в течение многих лет дала свои результаты. Единственным доказательством принадлежности к поддельным купюрам был номер серии, который не изменялся. И вот из одного почтового отделения поступило сообщение, что к ним обратился гражданин и пустил в оборот небольшую партию подделок. Были получены приметы сбыт-

чика, его автомашины, но чтобы не рисковать, комиссар решил посадить вместо кассира своего сыщика.

29 ноября 1963 года полиция приступила к выполнению операции по выявлению и задержанию фальшивомонетчиков. В течение четырех недель сыщики несли свою вахту. И вот в конце дня на почте появился прилично одетый мужчина и приобрел несколько акций на поддельные купюры. За ним установили наблюдение. Выяснили, что это Алексей Шувалов, родился в семье русских эмигрантов, не работает, но всем обеспечен. У него на квартире провели тайный обыск, но следов типографии не обнаружили. Посторонних контактов ни с кем не поддерживал. Решили продолжать наблюдение.

23 декабря 1963 года Шувалов разъезжал по городу, делал различные покупки, закупал облигации государственного займа и везде расплачивался поддельными купюрами. Их изъяли и продолжили наблюдение. Но Шувалов так и ни с кем и не встре-

* Александр Козлик – полковник юстиции в отставке, прослужил в МВД свыше 30 лет, от постоянного милиционера до начальника следственного управления.

тился. Перед Новым годом он вновь совершил вояж по магазинам, расплачиваясь поддельными купюрами. Наблюдение за ним положительных результатов не давало, и тогда при очередном вояже 17 января 1964 года его задержали.

На первом же допросе Алексей Шувалов показал, что деньги ему давал его двоюродный брат Антуан Довгье. В этом случае комиссар Бенаму решил действовать без промедления, и Антуан был задержан. Тот тоже на первом же допросе указал на своего знакомого Чеслава Боярского.

Выехали по указанному адресу. Чеслав Боярский проживал в особняке, сравнительно недавно построенном, который был отлично обустроен и обставлен. Встретил Чеслав полицию в холле. В связи с нехваткой времени комиссар приехал без постановления на обыск, поэтому Боярский высказал возмущение нарушением его прав. Тут же в холле находился дипломат, который изъяли. Он был полон купюрами в 100 франков. Деньги отправили на экспертизу, а самого Чеслава Боярского доставили в полицию. Участие в подделке фальшивых купюр он категорически отрицал. Свое материальное положение объяснил удачной женитьбой на богатой француженке. Экспертиза подтвердила, что изъятые у него купюры являются подлинными. Алексей Шувалов отрицал свое участие в подделке и сбыте купюр. А Антуан Довгье, которого Боярский неоднократно спасал от неуплаты налогов, заключил соглашение со следствием и дал показания, что Чеслав Боярский является изготовителем поддельных купюр.

Но основного доказательства – типографии – в руках комиссара Бенаму не было. Все зависело от обыска в доме Боярского. В течение двух дней проходил обыск, перебрали все помещения буквально по гвоздику, но типографии не нашли. Уставшие сыщики уже были готовы признать свое поражение, но в этот момент, один из них облокотился на стенку и нажал потайную кнопку. Открылся лаз, и по ступенькам они спустились в небольшую комнату, где находилась типография и поддельные купюры. Оказалось, что Чеслав Боярский по профессии был архитектором, сам спроектировал свой дом, где и предусмотрел небольшое помещение под типографию. Только после этого он признал свою вину полностью и дал подробные показания.

Родился Чеслав Боярский в 1912 году на территории Польши, тогда входившей в состав Российской империи. Учился во Львове, а затем – в Герма-

нии, где получил диплом архитектора. Во время войны принимал активное участие в движении французского Сопротивления. После войны на родину возвращаться не захотел и попросился на жительство во Франции. С учетом его заслуг Чеславу предоставили вид на жительство. В течение длительного времени он не мог найти себе работу – его польский и немецкий дипломы не были признаны во Франции. Тогда он занялся изобретательством, но все его патенты не нашли практического применения.

Никто не знает, что подтолкнуло его к изготовлению поддельных купюр, но Чеслав занялся именно этим, причем с большим успехом. Никогда не обучаясь производству бумаги для купюр и технике печати, не говоря уже о графических работах, Чеслав Боярский изготавливал поддельные купюры, различить подлинность которых могут только эксперты, да и то не всегда.

Никто не смог точно установить причиненный им ущерб, одни эксперты называли сумму 249 миллионов франков, а Французский Национальный банк на процессе заявил об ущербе в 1,1 млн франков. Во время процесса, который начался 12 мая 1966 года, комиссар Бенаму заявил: «Возможности искусства Боярского ошеломительны. Если бы он во Франции подделывал доллары, его бы, вероятно, вообще никогда не арестовали».

Американский журнал «Тайм» писал об этом процессе: «Это была настолько чистая работа, что... даже во Франции, где производится 80% всех фальшивых денег, Боярский заслуживает славы Леонардо да Винчи».

Процесс привлек внимание прессы и граждан. В зал заседания трудно было попасть. После пребывания свыше двух лет в предварительном заключении Чеслав Боярский выглядел очень бледным и худым, будучи уже тяжелобольным, он надеялся, что ему предоставят возможность искупить свою вину и он станет работать экспертом по деньгам. В своем последнем слове он заявил: «Я глубоко сожалею о том, что причинил столь значительный ущерб Банку Франции. Я совершенно искренне уверяю вас, что никогда не хотел нанести вред кому бы то ни было. Не отнимайте у меня надежды исправить свою вину, принести пользу, подарить моим детям улыбку».

14 мая 1966 года был оглашен приговор: Алексей Шувалов был осужден к 5 годам тюрьмы, Антуан Довгье освобожден от отбытия наказания, а Чеслав Боярский – к 20 годам тюрьмы. Через несколько месяцев он скончался.

Оперуполномоченный

Дневник бывшего опера

Автор неизвестен

Проработал 20 лет опером. Сегодня уволился. Попытались выставить виноватым, а потом просили, чтобы я оставил форму, которую покупал за свой счет. Все мои подвиги забылись мигом. Отношение, как к врагу.

День 1

Пролежал целый день под одеялом, боялся проснуться, думал, что сплю. Вечером понял, что это не сон, и лег спать дальше. Снились ужасы, что я еще не уволился и все еще работаю опером.

День 2

Попросил жену звонить раз в час мне на телефон. Пока он молчит, мне кажется, что не работает. Кстати, познакомился поближе с женой. Приятный человек, она даже еще помнит мое имя. Приятно.

День 3

Дети перестали меня пугаться и звать на помощь, когда остаюсь с ними дома. Но по-прежнему боятся оставаться один на один со мной в комнате. Привыкают. Пока со мной на «вы».

День 4

Никак не могу найти мотивацию к действию. Попросил жену, чтобы она на меня наорала. Пошел выкидывать мусор и переклеил обои в детской. Но все равно не то. Нехватка адреналина...

День 5

Просыпаюсь по ночам и ищу подвох. Не может же быть жизнь такой спокойной.

День 6

Постепенно заживает язва и уходит нервный тик. Новая работа совершенно иная. Не понимаю, как можно работать всего лишь 8 часов в день вместо 16 часов прежде.

День 7

Наконец-то я понял, чем отличаются суббота и воскресенье от других дней. Оказывается, это выходные! Вот чего люди их так ждут. Раньше я так ждал только очередного обострения язвы или гипертонии, чтобы в госпитале отлежаться. Научился ходить по магазинам. Расслабляет...

День 8

Сегодня на работе дали денег – аванс, сказали приходить через две недели за зарплатой. Появился во-

прос, кто на прежней работе забирал мою зарплату? То, что приходило на карту на прежней работе, может быть только авансом.

День 9

Трудно ночью засыпать. Боюсь проснуться снова опером. Пару раз ночью вскакивал и убегал из дома с вещмешком. Жена – молодец, знает, где меня потом искать. Быстро находит.

День 10

Приехали родители жены, были удивлены, что жена, оказывается, не мать одиночка. Дети постепенно начинают называть меня «папой». Давление нормализовалось и зрение улучшилось. Лечусь в какой хочу поликлинике, а не в какой можно.

День 11

По пути на работу увидел таджика с пивом на улице. По рефлексу побежал его догонять. Догнал – вспомнил, что теперь я гражданский. Выпили пиво вместе.

День 12

Помолодел лет на десять. На работе наконец поверили, что фотография в паспорте – моя. Мир стал доброжелательней и светлей. Жизнь налаживается.

День 13

Начальник долго не мог понять, зачем я у него отпрашиваюсь на выходные домой (забыл, что у гражданских иные правила).

День 14

Ехал на машине и случайно нарушил ПДД. Штраф 15 000 р.

День 15

По привычке пошел к директору оправдываться по поводу нарушения ПДД. Был готов к наказанию. Дирек-

тор долго не мог понять, почему я оправдываюсь, потом посочувствовал, дал премию 15 000 на оплату штрафа и дополнительный выходной, чтобы я спокойно съездил его оплатил. Не могу во все это поверить. А как же офицерское собрание и общественное порицание?

День 16

На работе корпоратив. Никто не работает, все отдыхают и выпивают. Директор раздает подарки. Первый раз в жизни я побывал на корпоративе. Понравилось. Почему такие не организовывали на прошлом месте? Хотя представляю, в скольких инструктажах и обязательствах пришлось бы расписываться. Чувствую себя дикарем.

День 17

Красный день календаря. У всех выходной. Выплатили премию. Даже не представлял о существовании такого раньше. Сидел полдня дома за столом и не мог представить, что в таких случаях делать надо. Благо, жена подсказала. Пошли с ней на праздник.

День 18

Попросили задержаться на работе. Долго извинялись. Переработку оплатили сразу, потом домой отвезли. Пришлось себя ущипнуть, не сплю ли.

День 19

Стал работать лучше, начали платить больше. Прослезился от удивления.

День 20

Жена мне уже почти как родная. За эти 20 дней мы с ней сблизилась как никогда. Родные. Дети начали встречать с работы.

День 21

Начинается какая-то ломка по советаниям. Адреналина нет уже давно, а

очень хочется. Познакомился с соседями. Замечательные люди. Почему они меня не замечали предыдущие 17 лет?

День 22

Научился улыбаться. Сначала это произошло спонтанно. Ошеломило. Смотрю комедии и смеюсь. Раньше так не умел.

День 23

Оказывается, когда у человека все хорошо, спортом заниматься самому охота. Записался в тренажерный зал. От прежней боевой и физической подготовки остались только негативные воспоминания. Тяжело заниматься, когда уже неделю спишь по 3–4 часа в сутки.

День 24

Хожу по улицам, чувствую себя вольной птицей. Тревога и панические атаки, беспокоившие 20 лет, не проявляются уже две недели. Прошли головные боли.

День 25

Пришла зарплата. Плакал от счастья. Прошлые руководители грозились, что на гражданке заработать невозможно и я приду обратно к ним. Сейчас я понимаю, как они могут что-то говорить про гражданскую работу, если на ней никогда не работали.

День 26

Подвернулась возможность купить билеты по горячей путевке в Турцию. Позвонил директору и без проблем договорился, что отлучусь на неделю с работы. На прошлой работе за последние пять лет только четыре раза в больнице лежал, другого отдыха не было и не планировалось.

День 27

Турция...

ПЕТРОВ МИХАИЛ

Малая эстонская пластика советского времени. Таллинн. Горожане

Необходимое предупреждение. Чем больше опубликовано старых фотографий города, тем понятнее, почему в советское время он вдруг стал старым – Vana Tallinn и новым – столицей Эстонской Советской Социалистической Республики. Практически все, что отражено в малой эстонской пластике в период с 1950-го по 1990 год, относится не к Старому Таллинну, а к прекрасному средневековому городу под названием Reval.

Под руководством художника Тыну Лаука расцвела малая эстонская пластика во всех ее проявлениях. Своими значками обзавелись все самоуправления. А чего стоят значки, посвященные Праздникам песни и танца! Несколько лет назад Тыну Лаук издал каталог значков, выпущенных таллиннским производственным объединением ARS, за что ему отдельная благодарность от историков и коллекционеров.

В 1226 году император Священной Римской империи Фридрих II даровал

Любеку, основанному в 1143 году, права вольного имперского города. С этого начинается история торгового союза городов Hansa Teutonica. Официально Любек старше Ревеля всего на 11 лет. 5 мая 1248 года датский король Эрик IV даровал Ревелю (Нижнему городу) городское право Любека, подтвердив городские привилегии, дарованные еще Вальдемаром II. В 1285 году Нижний город вошел в Hansa Teutonica. Кстати, Любек и Ревель роднит ледниковое происхождение городского ландшафта.

Художник Тыну Лаук...

...и его работы

Главное условие присоединения к союзу: город должен управляться советом – нем. Rat, отсюда Rathaus – Ратуша и Ratmann – член совета. Ратманами могли стать только самые успешные торговцы и синдики (юристы), причем не допускалось совместное пребывание в действующем составе совета родственников.

И вот что любопытно, это все еще средневековая Европа, которая учится, лечится и священнодействует на латыни, в которой rat – это крыса, а Rathause – крысиное гнездо. Должно быть Castrum Danorum, управлявшееся епископом Лунда, с высоты холма взирало на крысиное гнездо с изумлением. Взирало, но ничего поделаться с этим не могло. Нижний город в избытке владел водой, которой в крепости не было.

Но нет города без горожан, хотя не все горожане равны между собой. Демократия Hanasa Teutonica распространялась на выходцев из Дании,

Германии, Швеции, но никогда на автохтонное население.

В XIII веке отношение к крестьянам было сравнительно мягким: за неделю до и неделю после зимнего Юрьева дня (26 ноября с.с.) при отсутствии долгов разрешалось менять хозяина. В определенных обстоятельствах можно было скрыться в городе сначала на один год и один месяц, потом на два года, чтобы помещик потерял право выдачи беглого крестьянина. И это было непросто: надо было где-то жить и работать, при условии, что всех бомжеватых на ночь выпроваживали за городские ворота. Согласно действовавшему рижскому праву, гражданином города можно было стать, уплатив 12 эре, позже – полмарки. Но и этого было мало, чтобы пробиться в ученики мастера с перспективой лет через тридцать стать ратманом. Вопрос мало изучен, потому что подрывает основы все, что было не со мной, помню.

На эстонских значках советского периода горожане представлены широко. На значке по эскизу Т. Тамман мы видим собирательный образ: беспечного гуляку (точно не эстонца!) в праздничном платье, шикарном сапогах, шляпе и при тросточке на фоне городских шпиль. Горожане изображены при деле. Вот служанка с кофейником, напоминающая знаменитую «Шоколадницу» Жана-Этьена Лиотара. Сапожник с иглой. Хозяйка на рыбном рынке. Странные монахи за исполнением мадригала – небольшого музыкально-поэтического произведения любовного содержания. Горожанин с трубкой и калачом. Типично ревельский персонаж – трубочист. Целовальник, взвешивающий купеческий товар. Кухарка возле очага. Аптекарь со надобьями. Любитель пива. Пекарь. Романтичный мастер, из-под колотушки которого вылетают звезды. Дама с веером. Любопытный сосед, прописавшийся на крыше российского посольства. Каменщики, занятые своим делом. Наконец, персонаж из конца XIX века – фотограф. Ревельские фотографии оставили нам невообразимое количество исторического материала. Между тем горожане любят развлекаться и делают это с большой выдумкой. В малой пластике причудливо перемешались временные пласты – Средневековье с серединой XX века.

Вот странный персонаж в бороде и с очень странной прической. Пальцы правой руки сложены то ли для клятвы, то ли для благословения, в левой руке держава. Автор эскиза – уже хорошо знакомый нам Хейнц Валк. Значок называется Jooser – имя собственное, знакомое нам как Иосиф. И вновь Валк играет с советской цензурой. Как жаль, что этот веселый и небесталантный человек в постсоветской жизни оказался упорным националистом. Фишка в игре слов: эстонское jooma – пьянствовать, joomaridu – попойка. Окончание «имени» – ser, точнее serр свидетельствует о ремесле. Все вместе означает нечто вроде мастера попойки – Бахуса.

Горожане. У каждого образа – свой автор, а все вместе они – население Ревеля.

Горожане необычные: гуляки, завсегда и трактиров, монахи, преступники.

И вот теперь все становится на места, включая сложенные для благословения пальцы: In Vina Veritas, пьедестал и гроздь винограда в его основании.

После Реформации монахи Ордена доминиканцев исчезли. Этот симпатичный монах – легкий укор лютеранам.

Часть полноценной городской жизни – юридические коллизии. Право суда магистрат сохранял за собой до последней четверти XIX века. На значке мы видим утро 7 мая 1535 года за Харьюскими воротами. На земле обезглавленный труп Johann von Uexküll. Он нарушил городское право, забив до смерти крестьянина, который укрывался в городе и по истечении года и одного дня стал свободным. Жестокое напоминание о правах ганзейских ратманов вершить суд над аристократами.

Три сестры – дома в средневековом городе. Увы, но устная традиция не донесла до нас внятного объяснения за исключением их внешней схожести. Гламурные развлечения в Екатеринентале и кулинарные развлечения в городских трактирах.

Деспот Пётр Великий. Нижнюю часть памятника Петру в начале 20-х годов прошлого века пустили на монеты. В народе заговорили о том, что ноги Петра вновь ходят по стране. Основатель частного Русского музея Александр Дормидонтов собрал то, что осталось от ног бронзового Петра – эстонские сенты в количестве нескольких килограммов, и у него есть идея о том, что с ними делать.

В средневековье отлично вписываются питейные заведения Таллинна при советской власти. Karja kelder – пивной ресторан Коровий подвал. До реконструкции это была пивнушка с плохой репутацией, прозванная в народе «Подводной лодкой». Интеллигентные люди долго оглядывались по сторонам, прежде чем нырнуть в подвал. Бывал в Karja kelder и я, причем неоднократно. Мы с приятелем оставляли наши счета под тяжелыми гранитными столешницами, приподнимая их коленями. Тех столешниц уж нет, нет и ресторанчика. Говорят, что в последнее время подвал обзавелся собственным призраком или даже привидением по имени Виктор.

Плавучий кабак в Пирита – шхуну Kihnu Öpp – помнят многие таллинцы, а особенно мои ровесники. Кабак работал до глубокой ночи, и сюда ездили догоняться, если напиться не получилось в городе. В дождливую погоду палуба протекала едва ли не над каждым столиком. Учитывая состояние клиентов, водку нещадно

разбавляли, а вместо коньяка в графинах подавали старку. Качество испробовалось количеством.

Станным образом, но я ни разу не был в Rebase urg – Лисьей норе (бар в подвале ресторана Nord). Место было суперпопулярное, но личных впечатлений о нем нет.

А вот в Karolin'e, вероятно, побывали многие горожане. Это был узкий средневековый пенал с низким сводчатым потолком на месте, примыкающем теперь к японскому посольству. Вместо столиков – высокие колоды. Войти внутрь или пройти на выход можно было только по одному. Круглый год подавали горячее вино с маленькими шоколадками-медальками. В зимнее время пара стаканчиков глинтвейна отлично согревала, а в летнее была развлечением, особенно для туристов. Воспоминания самые наилучшие.

Черноголовый.

В городе вы обязательно столкнетесь со Святым Канутом – датским королем Кнудом IV (1043–1086). Садик Св. Канута – на месте бывшего городского рва и примыкает к Центру русской культуры (бывшему Дому офицеров флота). Садик так себе, но у него есть достопримечательности – памятник Достоевскому и миленький фонтанчик. Еще есть комплекс зданий гильдии Святого Канута на улице Pikk. На фасаде две статуи – католического святого короля-мученика Канута и реформатора католической церкви Мартина Лютера.

Канут был убит в датском Оденсе в церкви во время молитвы прямо у алтаря. По средневековым понятиям человек, убитый во время молитвы, попадает напрямиком в рай. Отсюда разница между Гамлетом, который может убить дядю во время молитвы,

но предпочитает дожидаться момента, когда тот будет не готов к смерти, чтобы его душа попала в ад. Любящий и страдающий Отелло, прежде чем убить жену, спрашивает, молилась ли она на ночь. Бывал я и в Оденсе, хотя, признаться, Ганс-Христиан Андерсен интересовал меня тогда больше Канута...

История ратмана Готтшалка Шоттельмунда и его жены Кунигунды обросла легендами. По одной из них Кунигунда тяжело заболела, что мотивировало любящего мужа обратиться к Богу. Кунигунду похоронили в церкви Доминиканского монастыря в 1381 году. Ее могильную плиту можно и сейчас видеть на стене монастыря в переулке Katariina käik. Те, кто помнят все, что не с ними было, почему-то считают надгробие Кунигунды не имеющим исторической и художественной ценности. Чужим, что ли?

Существенную роль в жизни средневекового города играло Братство черноголовых (н.-нем. Bröder vun de Swarten) – объединение неженатых купцов и судовладельцев. Покровитель братства Святой Маврикий – христианский мученик, который был командиром Фивейского легиона, целиком состоявшего из христиан. Маврикий отказался принять участие в наказании христиан в Галлии. За невыполнение приказа легион был дважды подвергнут децимации. После третьего отказа все оставшиеся в живых были казнены.

Братство действовало в Эстляндии с 1399-го по 1940 год. Кроме всего прочего в обязанности братства входила защита города. Братство содержало до сотни всадников и было военно-торговой корпорацией, связанной с Орденом доминиканцев – мужским монастырем Святой Катарини. Кстати, в недрах монастырского двора сохранился весьма загадочный средневековый артефакт – колодец желаний. Будет возможность, загляните в него – вдруг сработает! После Реформации контакт с церковью ослаб, и гражданские аспекты братства получили приоритет над военными.

У немецкого путешественника и шведского чиновника Ганса-Морица Айрманна находим:

«...Дом черноголовых ведёт своё происхождение от храбрых юношей из благородных и неблагородных [словий], которые вначале, при построении города, мужественно и по-рыцарски выступали в поле против московитов и ещё диких в то время племён, имели и выдержали много стычек и кровавых битв, и, когда такие молодые люди после одержанной

виктории направлялись для некоторого отдыха в уже несколько укрепленный город, то почти все оказывались холостыми; поэтому для того, чтобы остаться в привычном храбром и сердечном единении и не дать себе ослабить или сделать трусливыми из-за женщин, они клятвенно учредили в своём холостяцком состоянии братство с условием, что если кто хочет вместе с ними воевать и быть в их обществе, то должен оставаться холостым и перед этим должен был не иметь жены. (...)

Кто добивается чести себя или своё имя записать или включить в старинную книгу черноголовых, тот должен иметь такие качества или свойства, а именно:

Первое – что он ещё состоит в холостом состоянии и никогда законным образом не венчался с женщиной,

должен он подтвердить через свидетелей или посредством заверения, а в противном случае утрачивает свою честь и порядочность. (...)

Второе – он должен быть того сословия, из которого можно состоять дворянином, или рыцарского достоинства, или правомочным достичь этого, либо самому быть причисленным к дворянству, или купечеству, или учёного звания (*Literatus, Studio-sus*), или же солдатом и из тому подобных вольных людей. Но подмастерья и все, которые живут в скудных условиях, совершенно исключаются уставом, не принимаются и никогда не признаются братьями.

Если кто-либо намеревается быть записан в указанное братство Дома черноголовых и в их книгу, то ему прежде всего преподносятся законы, преимущества, статуты, права,

обычай и все к этому относящееся, при этом дружественно просят или напоминают, чтобы он, сделавшись членом, верно бы следовал им и, пока будет длиться его холостое состояние, оказывал бы им повиновение».

Такие вот они – ревельские горожане. Среди них практически нет эстонцев, но в советские времена о них вспомнили именно эстонцы – нужно же было на кого-то равняться, нужна была какая-то опора в прошлом.

Эта часть малой эстонской пластички советского времени есть весьма познавательная и благодарная часть ревельского, в том числе ганзейского, наследия. Собирайте, пока есть возможность! Собирайте сами и детей научите этому полезному способу борьбы с *fastidium est quies* – скукой.

ПООЛЬ ВЛАДИМИР

Трагедия Главкома

Отрывки из книги «Верховный Главкомандующий эстонской армией Йохан Лайдонер. Заключение № 11»

19 июля 1940 года в МВД Эстонии с утра готовились к выполнению ответственного правительственного задания: предстояло без излишнего шума вывезти из страны Главкомандующего эстонской армией генерала Йохана Лайдонера. [...] Для организации важного мероприятия в помощь местным товарищам из Москвы прибыла оперативная группа Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР во главе с капитаном¹ госбезопасности Владимировым.

МВД Эстонии располагало проверенными данными, что ни президент Пятс, ни Главкомандующий эстонской армией Лайдонер не собираются после ввода советских войск в Эстонию покидать страну, но для перестраховки их все же сразу после ввода советских войск, вошли 17 июня 1940 года, взяли под наружное наблюдение. Воздушное пространство Эстонии и морскую границу прикрыли несколькими днями раньше.

Наружное наблюдение периодически докладывает заместителю министра внутренних дел старшему лейтенанту госбезопасности Шкуруину: «Лайдонер находится на своей загородной усадьбе в Виймси и выходить никуда не собирается». После отработки последних деталей операции министр внутренних дел Унт и его заместитель Шкуруин приехали к генералу, Лайдонер вышел им навстре-

чу. Беседу начал новоиспеченный министр:

– Нам надо переговорить без посторонних.

– Хорошо, – ответил генерал и пригласил визитеров в рабочий кабинет.

Через полчаса он вышел из кабинета, и по его взволнованному виду жена Мария поняла: ничего хорошего прошедшие «переговоры» им не сулят. Лайдонер тревожно сообщил ей:

– Машенька, меня выпроваживают из Эстонии.

Вместо естественного в такой ситуации вопроса «Куда?» Мария спросила:

– А я?

– Тебе позволят остаться здесь.

– Нет, Ваня, я с тобой! – Мария кинулась к Унту: – Я не хочу разлучаться с мужем и поеду с ним.

Вмешался Шкуруин:

– Мария Антоновна, оставайтесь здесь и охраняйте свое имущество, на вас нет решения правительства.

– Я – не сторож, а законная жена генерала Лайдонера и поеду вместе с ним. А если у вас нет на меня решения правительства, то получите его.

Унт куда-то позвонил, и через некоторое время добро было получено. На сборы Лайдонерам дали два часа. [...]

Поздним вечером Лайдонеров отвезли на Балтийский вокзал, где их ждал служебный вагон-салон командующего Эстонской армией. Перед этим вокзал очистили от людей, выставили охрану, железнодорожникам запретили выходить на перрон, а телеграфисток закрыли в рабочих помещениях. [...]

В вагоне Лайдонеров встретила приехавшая из Москвы оперативная группа НКВД СССР во главе с капитаном госбезопасности Владимировым. Он любезно представился генералу и сообщил, что ему поручено обеспечить безопасность в пути следования до конечного пункта назначения. «И где же этот конечный пункт находится?» – поинтересовался главком. «В Москве вам все разъяснят», – ответил капитан. Он и сам не знал, куда придется доставить административно выселяемого эстонского генерала.

21 июля 1940 года чету Лайдонеров доставили в Москву и временно разместили на загородной даче Наркомата внутренних дел СССР. Заместитель начальника 3-го отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) майор Влодзимирский разрешил Лайдонерам написать в Эстонию. [...]

Политические взгляды, симпатии, характер отношений к СССР и т.д. генерала Лайдонера, президента Пятса и других видных деятелей Эстонии были хорошо изучены НКВД задолго до ультимативного ввода в Эстонию в июне 1940 года дополнительных частей Красной армии, требования смены правительства республики и последующей ее советизации. Проверка и разработка Лайдонера и Пятса по их новым местам жительства после выселения из Таллинна (города Пенза и Уфа) будет проходить в рамках одного общесоюзного агентурного дела «Министры» – под непосред-

Главнокомандующий эстонской армией Йохан Лайдонер.

Йохан Лайдонер в своем кабинете.

Главком Лайдонер и президент Пятс.

Йохан и Мария Лайдонеры.

ственным руководством НКВД СССР – из Москвы. [...]

За три дня до административной высылки Лайдонера, 16 июля 1940 года, нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия имел серьезную личную беседу с начальником Управления НКВД СССР по Пензенской области капитаном госбезопасности Горелкиным. Вдогонку к своим словам Берия направил Горелкину строгую письменную директиву за номером № 2863/Б1.

Совершенно секретно
Начальнику пензенского УНКВД СССР
Капитану Государственной безопасности
Тов. Горелкину
гор. Пенза

В дополнение к данным Вам лично указаниям для обеспечения чекистского обслуживания поселяемого в город Пензу бывшего Главнокомандующего эстонской армией Лайдонера – Вам предлагается провести следующие мероприятия:

1. Выделить соответствующую квартиру со всеми удобствами и обстановкой. Квартиру подготовить к 18 июля 1940 года.
2. Организовать агентурное обслуживание Лайдонера по дому, для чего подвести к нему агентуру в качестве обслуживающего персонала (домработница, шофер, дворник и др.).
3. Произвести вербовку осведомителей из числа соседей по квартире и в процессе дальнейшего чекистского обслуживания подвести к нему квалифицированную агентуру.

[...] Сразу в Пензу Лайдонера из Таллинна не привезли, дали возможность специалистам поработать в его квартире. Генерала три дня держали на даче под Москвой, кормили, поили, говорили ласковые слова, словом, всячески задабривали, чтобы потом в Пензе он спокойно в письменном виде изложил «антисоветскую и разведывательную деятельность» против СССР эстонского буржуазного правительства.

В Пензу генерала Лайдонера и его жену Марию доставили спецконвоем 24 июля 1940 года, и через два дня капитан госбезопасности Владимиров – старший группы сопровождавших, рапортовал своему непосредственному начальнику:

Сов. секретно
Зам. начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР
капитану госбезопасности тов. Новобратскому
гор. Москва
Рапорт

Лайдонер благополучно доставлен в гор. Пензу и устроен там на жительство. Всю дорогу он вел себя спокойно, никаких требований и претензий не предъявлял. Квартирой остался доволен. Квартира действительно хорошая, ему предоставлен весь 2-й этаж двухэтажного каменного дома: 5 комнат, все они хорошо меблированы, имеется сад и вспомогательные помещения. [...]

Письмо Лайдонера Берии
Иван Яковлевич Лайдонер
Гор. Пенза, Гоголевская, 38.
14 августа 1940 г.

Заявление гражданина И. Я. Лайдонера, бывшего Главнокомандующего эстонской армией

Народному комиссару Внутренних дел СССР

Лаврентию Павловичу Берия

Моя высылка из Эстонии состоялась крайне спешно, мне совершенно не осталось времени на устройство своих личных дел, я не успел дать распоряжений и полномочий насчет моего личного имущества, и, главное – мне некогда было разобраться в том, что взять с собой, что оставить на месте. Присутствующие и распоряжающиеся моим отъездом представители власти СССР многократно заявляли мне, чтобы я не беспокоился спешностью отъезда, так как с нового места жительства я смогу быстро списаться с кем мне нужно и дать распоряжения по части личных дел, а также запросить необходимые вещи. Мне было сказано, что на мой новый адрес могут досылать даже такие крупные предметы, как мебель и т.п., что я считаю совершенно ненужным. Со времени моей высылки прошел месяц, и, несмотря на многократные мои просьбы войти в связь письменно с кем-либо из Таллинна, сделать это мне не удастся: или мои письма из Пензы не допускаются в Эстонию, или письма из Эстонии мне не посылаются.

Когда я проездом останавливался в Москве, то на мой вопрос в части моего права и способа ведения переписки с Эстонией представитель НКВД СССР ответил, что в этом вопросе для меня никаких ограничений не будет.

На основании вышеизложенного прошу, если это возможно, Вашего распоряжения о предоставлении мне возможности связаться с некоторыми моими знакомыми и родственниками, чтобы дать им распоряжения и полномочия в части оставшегося в Эстонии нашего с женой имущества и просить их послать нам в Пензу крайне необходимые вещи домашнего обихода, одежду и некоторые книги из моей личной библиотеки.

Очень извиняюсь за беспокойство, господин Народный комиссар, такой ничтожной просьбой, но теперь, со времени принятия Эстонской Республики в состав СССР, я считаю себя правым обратиться именно к Вашему авторитету и по поводу моего дела.

С искренним уважением
И. Лайдонер
14 августа 1940 г.

Из оперативного доклада:

«Генерал Лайдонер ведет чрезвычайно замкнутый образ жизни, с окружающими в контакт вступает крайне редко и то лишь по чисто хозяйственным вопросам, по содержанию дома. В разговорах со сторожем «Шарипом» дважды высказывал антисоветские суждения. 3 ноября Лайдонер говорил «Шарипу», что якобы трудящиеся в Эстонии живут намного лучше, чем советские рабочие. Условия жизни в Советском Союзе и капиталистических странах он сопоставлял так: «В Англии рабочие живут неплохо и чисто одеты. Почему в СССР рабочим дают только по килограмму хлеба, в то время как хвалятся, что урожаи хорошие. Вот в Германии продукты нормированы, но хлеба сколько угодно». 5 ноября в беседе с прислугой Лайдонер говорил: «Здесь очень хороший народ: правительство не может обеспечить народ хлебом, а люди по несколько часов терпеливо стоят в очередях и не ворчат. Случись такое у нас, эстонцы сразу же взбунтуются. В Эстонии народ плохой, может, советская власть его немного образумит». [...]

Слабая разработка Лайдонера Москву не удовлетворяла, и 14 марта 1941 года Кобулов направил начальнику УНКГ Пензенской области капитану госбезопасности Горелкину ругательное письмо с новыми вопросами, на которые необходимо было получить от объекта разработки четкие ответы.

Чекистское обслуживание поселенного в гор. Пензе бывшего Главнокомандующего эстонской армией Лайдонера до сих пор не скорректировано Вами в нужном направлении.

За все время пребывания Лайдонера в Пензе он не дал никакой информации по части деятельности бывшего эстонского правительства в области политических, военных и дипломатических вопросов. Помимо задач по обслуживанию генерала Лайдонера Вашему заместителю капитану госбезопасности Синицину вменялось в обязанность добиться от генерала откровенных разговоров в дни прихода его в УНКГБ на регистрацию и во время бесед с ним на квартире. В ходе проведенных бесед с объектом еще не добыта информация о работе эстонской разведки против СССР.

15 ноября 1939 года военный атташе СССР в Эстонии Евгений Цуканов передал Лайдонеру приглашение советского правительства. Главнокомандующий приглашение принял, но срок пребывания сократил вдвое и оставил за собой право вернуться раньше, если того потребуют обстоятельства. [...]

Утром 7 декабря «Красная стрела» доставила эстонскую делегацию в Москву. Лайдонера разместили на шикарной вилле: ценные картины, дорогие ковры, серебряные приборы, хрусталь. Увидев спальню, которая походила на парадный зал, генерал сказал: «Здесь я спать не могу, нет ли чего-нибудь поменьше?» Маленькая комнатка нашлась рядом со спальней его адъютанта. [...]

В кремлевском зале собрались высокие советские военные чины. В сторонке скромно стояли латыши и литовцы. Неожиданно распахнулась одна из дверей, и в потоке света возник Сталин в сопровождении Ворошилова и Молотова. Ворошилов представил Лайдонера Сталину, и тот после слабого рукопожатия, не глядя гостю в глаза, произнес: «Господин генерал! Я очень много о вас слышал». Лайдонер отреагировал моментально: «Господин Сталин, я о Вас – еще больше». Сталин взял под руку капитана Яаксона и направился к столу, Ворошилов сопровождал Лайдонера к отведенному ему месту.

Стол ломился от бутылок с вином и крепкими напитками. Сталин взял коньяк и протянул Буденному: «Возьми, Семен Михайлович, знаю, коньяк ты любишь. И обслужи соседей». Поначалу гости чувствовали себя скованно, разговор никак не получался, но Сталин, обращаясь к Лайдонеру, разрядил обстановку: «Господин генерал! Я знаю, что вы служили в 13-м Эриванском гренадерском полку, в Манглиси под Тбилиси. Когда вы последний раз были в Грузии?» – «До Первой мировой», ответил генерал. «Я тоже давно не был на родине. Вашу поездку в Грузию можно легко организовать». Лайдонер поблагодарил, но от поездки отказался: «К сожалению, времена сейчас такие, что я не могу надолго покинуть родину».

В свою очередь, Лайдонер задал Сталину неожиданный вопрос: «Я слышу здесь и читаю в газетах об огромных успехах в советской экономике, в других областях жизни страны. Где вы берете людские силы и огромное количество грамотных специалистов?» «Вы, господин генерал, задали очень интересный вопрос, такого вопроса я еще ни от кого не слышал, – ответил вождь. – Мы привлекаем толковых руководителей из числа членов Коммунистической партии, растим кадры с молодых лет и постепенно их просеиваем. [...]

Лайдонер поблагодарил Сталина и Ворошилова за прием и собрался уйти. Сталин, пожимая гостю руку, удивленно спросил: «Господин генерал, куда же вы спешите? Еще рано».

Часы показывали 4 часа 50 минут 8 декабря 1939 года.

В следующие дни у эстонцев было много интересных встреч и бесед. 9 декабря Лайдонер посетил военную Академию имени Фрунзе, начальником которой был экс-командующий ЛГО Эйдман. У входа в кладезь военных знаний на стене висела карта с обозначением линии финского фронта, и Лайдонер заметил, что на десятый день войны в глубь Финляндии Красная армия не продвинулась. [...]

В своем донесении агент написал, что Лайдонер интересовался у него такими вопросами, которые считаются закрытыми: готовность Советского Союза к будущей большой войне, кого в СССР считают вероятным противником, какова дисциплина в Красной Армии, состояние железнодорожного транспорта, его возможности по быстрой переброске большого количества войск и вооружения в районы конфликта, сколько в Красной армии старых офицеров и какое к ним отношение со стороны командования и новых советских командиров. По словам Дагестанского, он дал на эти вопросы исчерпывающие ответы (к сожалению, в донесении он их не расписывает) и, в свою очередь, постарался получить от генерала ответы на те вопросы, которые были ему перечислены в пензенском УНКВД.

Вопрос первый: Так ли радушно, как писалось в газетах, эстонцы изъявили желание присоединиться к СССР?

– Да что вы, Илья Данилович! Разве эстонцам плохо жилось в своем маленьком государстве? Ведь у нас все было. Наши рабочие и крестьяне абсолютно ни в чем не нуждались. Одежда и обувь были дешевые, хлеба, жиров – сколь угодно. Крестьяне имели в собственности землю, много домашних животных, инвентарь. Дети были обуты, одеты и сыты, не так, как здесь в Пензе, где ничего нельзя достать. Резиновой обуви у нас не было совершенно, такие, как на мне, кожаные сапоги стоили 20 рублей.

Когда к нам вошли советские войска, красные командиры в первую очередь набросились на магазины, чтобы купить дешевую обувь, одежду, часы, велосипеды, ветчину, колбасу и масло. Мог ли народ Эстонии ожидать от таких людей того, что они будут хорошими хозяевами? Конечно, нет.

Вопрос второй: Если народу Эстонии так хорошо жилось, и он не хотел присоединения к России, то почему правительство так быстро согласилось уступить самостоятельность своего государства?

– Народ и правительство вынуждены были подчиниться штыкам Крас-

ной армии. Причем на наше правительство одновременно с СССР давило и правительство Германии, которое требовало, чтобы мы без сопротивления приняли условия России о воссоединении. Из этого явствует, что Германия за счет прибалтийских стран выторговала у СССР право свободного хозяйничанья на Балканах. Иначе нельзя объяснить триумфальное шествие германской армии через Румынию и Болгарию.

В понедельник, 23 июня 1941 года, на второй день нападения фашистской Германии на Советский Союз, Управление НКГБ по Пензенской области объявило Главнокомандующему эстонской армией генералу Лайдонеру и его жене Марии, что они будут находиться под домашним арестом и выход за пределы двора им строго запрещен. Через три дня, 26 июня, по указанию наркома госбезопасности СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Всеволода Меркулова супругов Лайдонеров арестовали уже по-настоящему и доставили во внутреннюю тюрьму местного Управления наркомата госбезопасности. Эти три дня потребовались для того, чтобы подготовить Лайдонерам новое, но менее «комфортабельное жилье»: их разместили в небольшой тюрьме, в которую переоборудовали старую конюшню УНКГБ. [...]

Из первого допроса Лайдонера 28 и 30 июня 1941 года:

Следователь: Расскажите подробно вашу автобиографию.

Лайдонер: С восьми лет я начал учиться, в 1900 году окончил Вильяндское городское училище. В 1902 году поступил в Виленское юнкерское училище, которое окончил в 1905 году в чине подпоручика. По окончании училища был назначен в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский полк на Кавказе, в котором прослужил до 1909 года. Затем поступил в Военную академию в Петрограде, каковую окончил в 1912 году, и был откомандирован обратно в свой полк.

Весной 1913 года я был командирован в штаб Кавказского военного округа и назначен на должность офицера Генерального штаба в военно-дорожное отделение. С осени 1913-го до июня 1914 года командовал ротой в 1-м Кавказском стрелковом полку. Затем штабом округа был назначен офицером Генерального штаба для поручений в штаб 3-го Кавказского корпуса и в августе 1914 года с этим корпусом уехал на фронт, где пробыл до конца 1917 года. В декабре 1917 года был назначен командиром 1-й

Эстонской дивизии и уехал в г. Таллинн, где в то время была установлена Советская власть. В связи с общей демобилизацией бывшей царской армии эта дивизия была распущена, и в феврале 1918 года меня уволили со службы. После увольнения, когда началось наступление немецких войск, перед занятием ими Таллинна я уехал в гор. Козлов, где в то время находились мои жена и сын (теща в то время тоже жила в Козлове). [...]

Из допроса Марии Лайдонер 28 июня 1941 года:

Следователь: Расскажите, при каких обстоятельствах вы уехали за границу после революции.

Мария: В марте 1919 года, когда я жила в гор. Ленинграде у родственницы моего мужа Мазовки, ко мне явился эстонец по фамилии Тассо и предложил нелегально перейти финскую границу, чтобы потом из Хельсинки морем уйти в Эстонию к моему мужу, который в то время был Главнокомандующим эстонской армией. По словам Тассо, мой муж Иван Яковлевич Лайдонер и бывший министр иностранных дел Эстонии Сельямаа перебрались в Эстонию этим же, уже апробированным, путем в 1918 году, и я согласилась.

Следователь: Чем вы занимались в Эстонии?

Мария: В Эстонии никакого участия в партиях и организациях я не принимала, за исключением того, что была председателем общества детей. [...]

Из доклада агента Василек 1 июля 1941 года:

Сегодня Мария Антоновна пришла к допросу и рассказала следующее:

Теперь мне понятно, чего от нас хотят и в чем нас обвиняют. Вины за нами нет никакой, просто мой муж был членом правительства другой страны, а я – его женой. На допросе следователь зачем-то интересуется, где я родилась, где я училась, когда вышла замуж, сколько раз и за кого выходила замуж моя мать, в каких местах я жила. К чему это все следователю знать? Ведь не могла же я оставаться в России, когда моего мужа позвали в Эстонию бороться за независимость страны, вот, я и пошла к мужу через финскую границу. Мой муж никогда не занимался антисоветской деятельностью, он только помогал Латвии воевать с немцами и русскими. Да это и естественно, так как царское правительство очень угнетало народы прибалтийских государств, и они захотели стать самостоятельными. В то время, когда проходили эти события, никто же не мог предположить, что большевики сделают свое государство таким сильным. В первые годы глав-

нокомандующим войсками у Советов был Троцкий, он был страшным человеком, в иностранных кругах, а также в Эстонии, его никто не переваривал, и эта ненависть переходила ко всему советскому, русскому. [...]

Из допроса Лайдонера:

Лайдонер: Что касается времени, когда Эстония вела войну с Советской Россией за свою самостоятельность, а это, напомню, были 1918–1919 годы, то в тот период начальником моего штаба был генерал Соотс, а начальником разведывательного отделения – ныне уже покойный штабс-капитан Перна. Фамилии начальников штаба армии и начальников разведки легко восстановить по приказам, хранящимся в архивах эстонской армии. За время моего краткосрочного главнокомандования в декабре 1924 года я вопросами разведки совершенно не занимался.

На вопрос о разведчиках других государств, которые с территории Эстонии собирали информацию по Советскому Союзу, я могу ответить лишь одно: такой разведкой могли заниматься аккредитованные у нас военные и дипломатические представители, и все такие лица были хорошо известны советскому посольству в Таллинне. [...] У англичан не было в Таллинне постоянного военпреда, но зато был паспортный стол посольства во главе с офицером, которого великолепно знали советские представители. [...] Были ли в Эстонии еще другие иностранные разведчики, того я ни подтвердить, ни отрицать не могу.

Следователь: Какую враждебную Советскому Союзу деятельность вы проводили внутри Эстонии и во взаимодействии с другими капиталистическими странами?

Лайдонер: С Советским Союзом у нас был мирный договор от 2 февраля 1920 года, я принимал самое активное участие в разработке этого важного документа. Договор был подписан в эстонском городе Тарту и поэтому стал называться Тартуским. Для меня лично Тартуский мирный договор является идеальным документом, чего только маленькая страна после тяжелой борьбы могла добиться от большого соседа, и я всегда считал, что мы должны строго держаться положений Договора и не допускать с территории Эстонии никаких враждебных действий против СССР. [...] Я как главнокомандующий армией действовал, конечно, в первую очередь, во благо своей страны, а не в интересах какого-либо другого государства, в том числе не в интересах СССР. Эстония, насколько помнится, вообще не заключала ни одного тайного договора,

направленного против другой страны. [...]

Все это время, пока между НКВД и прокуратурой шел спор о продлении следствия, Лайдонер без объяснений сидел в Пензе в холодной одиночной камере, замерзал, голодал, и у него возникли серьезные проблемы со здоровьем.

Акт медицинского освидетельствования

27 января 1942 года проведено, согласно просьбе начальника КРО УНКВД Пензенской области, медицинское освидетельствование заключенного Лайдонера 1884 года рождения, содержащегося во Внутренней тюрьме УНКВД Пензенской области.

Освидетельствованием установлено:

Заключенный Лайдонер страдает резко выраженным общим малокровием, сопровождающимся слабостью организма и памяти. Сердечно-сосудистая система имеет выраженную декомпенсацию сердца с наличием застойных явлений на нижних конечностях и на лице – отеки. Пульс несколько учащен: 86–96 ударов в минуту, ритмичный, удовлетворительного наполнения и напряжения. Температура тела – 37,8 градуса. Легкие – особых отклонений от норм не отмечается. Желудочно-кишечный тракт – имеются явления атонии кишечника, проявляющиеся запорами, по 3–4 суток отсутствует стул.

В конце августа 1942 года генералу Лайдонеру и его жене Марии, которые уже больше года сидели в одиночных камерах в Пензенской тюрьме, приказали готовиться с вещами к этапу. Им разрешалось иметь в камерах свои книги и справочники, часть из которых сохранилась. На форзаце русско-немецкого словаря генерал оставил краткое описание этапного пути из Пензы до следующего постоянного «места жительства». [...]

Несколько лет генерал Лайдонер проведет в тюрьме города Кирова. В эту же тюрьму переведут из разных мест задержания других объектов всесоюзного агентурного дела «Министры» – руководителей советизированных балтийских государств, их жен и детей. [...]

Эстонский подпольный самиздатовский журнал «Lisandused mõtete ja uudiste vabale levikule» («Дополнения к свободному распространению мыслей и идей») в № 25 за 1987 год опубликовал письмо Й. Лайдонера, которое он написал в Кировской тюрьме в 1944 году. По информации журнала, весточка Лайдонера на волю была написана «на титульном листе книги царского времени». К публикации «Дополнений...» от редакции была сделана следующая приписка: «Бла-

годаря счастливому случаю в наши руки попало письмо Главнокомандующего эстонской армией генерала И. Лайдонера из ГУЛАГа».

Это письмо можно считать политическим завещанием генерала Лайдонера:

Почему я не покинул Эстонию летом 1940 года? Немцы предлагали мне эмигрировать. Сбежит с Родины тот, кто боится ответственности за свои действия, стыдится прошлых поступков или трясется за свою жизнь. Я был государственным деятелем самостоятельной Эстонии. Государственная независимость является для культурно развитого народа наивысшим идеалом – пределом всех стремлений. В том, что Эстония стала самостоятельным государством и добилась своих извечных мечтаний – свободы, – есть наравне с другими согражданами и часть моих заслуг. Большой отрезок жизни у меня посвящен эстонскому государству. За проделанное я не боюсь ответственности ни перед историей, ни перед людьми, и за прошлое мне нечего стыдиться. Истинная самостоятельность Эстонии продолжалась более 21 года. С точки зрения истории, это совсем небольшой период, но я уверен – в истории эстонского народа, в его памяти это время останется самым прекрасным отрезком жизни до поры, когда мой народ в будущем вновь завоеует независимость. [...]

Все мои действия по руководству Освободительной войной, созданию самостоятельного эстонского государства, подавлению попытки коммунистического мятежа в Эстонии вполне легальны, всем известны. За эти действия я никакой ответственности не боюсь, ранее из страны не хотел бежать, да и сейчас, на четвертом году тюремной жизни, будь такая возможность, никуда бы не сбежал.

Я никогда за свою жизнь особо не страшился, да и сейчас, на 61-м году жизни, когда нахожусь в ужасных тюремных условиях, я смерти не боюсь. Мне только больно, что из-за меня невинно страдает мой дорогой друг, верная спутница жизни – моя супруга. Она тоже заточена и лишь за то, что является моей женой. Но я уверен, моя супруга считает мою прошлую деятельность праведной и смерти она тоже не боится. Аминь.

Много лет Лайдонер, его жена и другие заключенные-«министры» советизированных прибалтийских государств проведут в особой тюрьме МГБ СССР в городе Иваново. Точная дата

Имение Лайдонеров в Виймси.

Йохан и Мария Лайдонеры, мать Мари и сын Микаэл.

Мария и Йохан Лайдонеры с племянником Марии Алексеем Крушевским в Виймси.

Мария Лайдонер со своими питомцами.

перевода их туда неизвестна. По воспоминаниям Марии, переезд из Кирова в Иваново состоялся в конце 1945 года. Возможно, она ошибается, так как под описью вещей, которая была составлена после прибытия Лайдонера из Кировской тюрьмы в Ивановскую, стоит 25 апреля 1947 года. К слову, приведу из той длинной описи некоторые название личных вещей, которые, после многих переездов из одной тюрьмы в другую, у генерала еще сохранились: шерстяные костюмы – 8, пальто – 6, шинелей – 2, шляп фетровых – 3 (две серые, одна черная), тростей – 3 (две из красного дерева, 1 дубовая), зонтов – 2 и т.д. Документов, которые подтверждали бы нахождение Лайдонера и его жены Марии в Ивановской тюрьме в более ранний период, в делах нет. [...]

Голодная зима 1941/1942 годов в холодной камере Пензенской тюрьмы, перенесенные тиф, цинга, ангина, простудные болезни сильно подорвали здоровье Лайдонера. В 1948 году у генерала случился первый инсульт, и он на время потерял речь. В 1949 году – второй инсульт. В 1950 году его надолго положили в стационар.

Лайдонер все время помнил «искренние» слова Сталина, которые тот адресовал ему на приеме в Кремле в декабре 1939 года: «Господин Лайдонер! Если вы когда-нибудь окажетесь в Советском Союзе в тяжелом положении, то обращайтесь прямо ко мне, и я помогу вам». Лайдонер долго не решался обратиться за помощью к вождю: то ли не хотел его беспокоить, то ли генеральская гордость не позволяла это сделать. Но через десять лет трудной тюремной жизни Лайдонер, уже тяжело больной и измученный переживаниями за любимую жену, которая, по его понимаю, невинно страдает из-за его прошлой службы эстонскому государству, взялся за перо и написал Сталину.

Господину председателю Совета Министров СССР

генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину

Заявление заключенного генерала И. Я. Лайдонера. 27.VI.51

В декабре 1939 года, когда я по приглашению Советского правительства был в Москве, то имел честь быть принятым Вами в Кремле. В это время Германия готовилась к агрессивной войне против Советского Союза. Во время наших разговоров Вы были столь любезны, что изволили сказать мне следующее: «Если когда-нибудь Вы окажетесь в Советском Союзе в тяжелом положении, то обратитесь прямо ко мне, и я помогу Вам».

Теперь я и моя жена уже 10 лет находимся в тюрьме в бессрочном заключении, в режиме следственной тюрьмы. Я переиспытал за это время несколько тяжелых болезней: цинга или скорбут и сыпной тиф. Теперь у меня была тяжелая болезнь сердца. Моя бедная жена так же еле-еле держится на ногах: она переболела воспалением легких, печени и дизентерией. И, вот, я решил напомнить Вам, господин Генералиссимус, Ваши любезные слова и просить Вас облегчить наше тюремное положение: тюремный режим при таком состоянии здоровья стал слишком для нас тяжел. Тут мы целый день должны находиться в душной камере, и вряд ли я когда-нибудь сам, на своих ногах, смогу спуститься во двор на прогулку и подниматься обратно на третий этаж. Все в Ваших руках, от одного Вашего слова зависит изменение нашей участи и изменение нашего положения.

И. Лайдонер

«Ответ» на свое жалобное письмо Сталину Лайдонер получит только в феврале 1952 года. В январе «Справка по этой группе лиц» была подготовлена, и ее доложили председателю Совета министров СССР Сталину. Распоряжение советского правительства (№ 2183 рс от 4 февраля 1952 года) по докладу МГБ было чрезмерно суровым и несправедливым: все объекты группового агентурного дела «Министры», руководящие работники прибалтийских республик, содержащиеся в Ивановской тюрьме МГБ СССР, должны быть осуждены Особым Совещанием при МГБ СССР к двадцати

пяти годам тюремного заключения каждый. [...]

Из Иваново спецконвой доставил Лайдонера в Москву вечером 6 марта 1952 года. По поступлению в Бутырку у него изъяли полотенце, шерстяной шарф, помочи (подтяжки), деревянную ложку, два воротника от рубашки, ремень, шнурки от ботинок, книгу «Северная война» и две записки. Одну записку нашли в носке левого ботинка, другая была зашита в подкладе пиджака в плечевой части (эти записки написаны чернилами на мятых вырванных из книги страницах, текст расплывчатый и нечитаемый).

Измощенного генерала поместили в крохотную одиночную камеру с коротким холодным каменным лежаком. Состояние его здоровья было плачевным. На следующий день после четырехчасового допроса ему стало совсем плохо, и он слег.

8 марта генерала освидетельствовал врач санчасти Бутырской тюрьмы и поставил диагноз: артериосклероз, миокардиодистрофия. Согласно предписанию врача, Лайдонер должен был быть освобожден от допросов и находиться на постельном режиме по 18 марта включительно. Но старший следователь Бубнов имел от своего руководства указание быстро завершить следствие и за 10 суток предстоящего постельного режима допросил больного Лайдонера девять раз, причем 17 марта дважды: с 11 часов 45 минут до 18 часов и с 21 часа 10 минут до 2 часов 10 минут.

Второй ночной допрос проводился в обособленном кабинете № 53, где обычно проходили допросы в соответствии со следующей сталинской директивой. [...]

29 марта 1952 года Лайдонера на носилках доставили к следователю, и ему было зачитано обвинительное заключение по ст. 58-4 УК РСФСР.

Из обвинительного заключения Йохана Лайдонера:

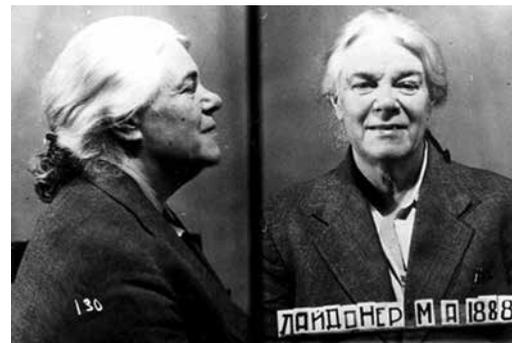
26 июня 1941 года Управлением НКВД Пензенской области был арестован административно высланный

Йохан Лайдонер после ареста, 1941 год.

Заключенный Лайдонер, 1952 год.

Заключенная Мария Лайдонер, 1952 год.

Главнокомандующий армией буржуазной Эстонии Лайдонер Иоган.

В марте 1942 года следствие до особого распоряжения было приостановлено и 28 февраля 1952 года возобновлено. Возобновленным следствием установлено, что Лайдонер, будучи реакционным политическим и военным деятелем буржуазной Эстонии, начиная с 1918 года и до 1940 года проводил вражескую деятельность против Советского Союза и революционного движения в Эстонии.

Являясь в прошлом офицером царской армии, Лайдонер враждебно принял Октябрьскую Социалистическую революцию. В 1918 году установил связь с эстонскими буржуазными националистами, нелегально бежал из Советской России в Эстонию, где возглавил эстонскую буржуазную армию и как ее главнокомандующий вел вооруженную борьбу против Красной армии до 1920 года. Об этом обвиняемый на допросах 7 марта 1952 года показал: «Я был за создание самостоятельного эстонского государства и стоял за подавление революционного движения в Эстонии. Я также был политическим противником Советской России». [...]

Следствие по уголовному делу на Марию Лайдонер завершилось одновременно с расследованием дела на ее мужа, и ей было предъявлено следующее обвинение.

Из обвинительного заключения Марии Лайдонер:

26 июня 1941 года Управлением НКВД Пензенской области была арестована административно высланная Лайдонер Мария Антоновна.

1 июля 1942 года, решением Особого Совещания (ОСО) при НКВД СССР Лайдонер М. А. была осуждена как социально опасный элемент на 5 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). 8 марта 1952 года то же ОСО свое решение от 1 июля 1942 года отменило и направило дело на дорасследование.

Следствием установлено, что Лайдонер М. А., являясь по социальному происхождению дворянкой, враждебно восприняла Октябрьскую Социалистическую революцию и, разделяя буржуазно-националистические взгляды своего мужа – генерала Лайдонера, являвшегося Главнокомандующим эстонской буржуазной армией, в 1919 году нелегально бежала из Советской России в Эстонию.

Лайдонер М. А. содействовала своему мужу в его деятельности по установлению капиталистического строя в Эстонии. Об этом обвиняемая Лайдонер М. А. на допросе 18 марта 1952 года показала: «Я поддерживала моего мужа, так как считала, что его действия по установлению в Эстонии буржуазного государственного строя совершенно правомерны. Как дворянка я была,

Мария Лайдонер в конце жизни.

конечно, за создание самостоятельного эстонского государства». [...]

30 апреля 1952 года от имени начальника тюремного отдела МГБ СССР полковника Евсенина начальнику отдела «А» МГБ СССР генерал-майору Герцовскому и начальнику Владимирской тюрьмы МГБ СССР подполковнику Журавлеву было направлено указание под названием «Наряд № 35-3-1496».

Лайдонера Ивана Яковлевича, 1884 года рождения, осужденного Особым Совещанием при МГБ СССР от 16 апреля 1952 года на 25 лет, направьте во Владимирскую тюрьму МГБ СССР (гор. Владимир).

Начальнику Владимирской тюрьмы принять заключенного и поместить его согласно данному Вам указанию № 35-3-1493 от 30 апреля 1952 года.

[...] Письменных сведений о датах этапирования номерных заключенных из Бутырки в особую Владимирскую тюрьму (Владимирский централ) МГБ СССР в материалах на генерала Лайдонера нет. Первая информация о нахождении его в этой тюрьме относится к 19 сентября 1952 года.

В этот день библиотекаря Урвачева доложила начальнику Владимирской тюрьмы подполковнику Журавлеву рапортом:

Доношу до Вашего сведения, что при проверке книги № 7780 – «Муратов. Два путешествия капитана Беринга» обнаружены оторванными оба форзаца, паспорт, и половинка последнего листа. Данная книга находилась в камере 2-12.

На документе сделана пометка: «Это з/к № 11». И некий чиновник красным карандашом добавил: «Полагал бы з/к камеры № 2-12 лишить книг на 15 дней».

Начальник тюрьмы Журавлев счел предложенное наказание слишком либеральным, не соответствующим тяжести проступка и на следующий день распорядился: «Лишить книг на месяц». [...]

После вышеописанного проступка Лайдонеру оставалось жить полгода, и неизвестно, хватало ли у него еще желания что-то читать и делать пометки.

Следующие приведенные документы касаются уже его смерти и захоронения.

Акт

13 марта 1953 г.

Мы, нижеподписавшиеся: старший по корпусу № 2 старшина Карпов, надзиратель поста № 1 старшина Архиреев и фельдшер младший сержант медицинской службы

Смирнова, составили настоящий акт о нижеследующем: 13 марта 1953 года в камере № 15 корпуса 2 умер з/к № 11, осужденный по ст. 58-4 на 25 лет тюрьмы. На что и составили настоящий акт...

Подписи: Карпов, Архиреев, Смирнова

[...] 25 июля 1953 года заместитель начальника Владимирской тюрьмы майор Лавыгин сообщил в Отдел актов гражданского состояния Управления внутренних дел Владимирской области о том, что Лайдонер Иоган, 1884 года рождения, эстонец, умер 13 марта 1953 года в городе Владимире от кровоизлияния в мозг. На документе от руки сделана пометка: «Заключенный Лайдонер И. до ареста определенного места жительства не имел. [...]

5 марта 1953 года умер Сталин. В тот же день состоялось совместное заседание Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором было принято решение объединить МВД СССР и МГБ СССР в одно министерство под названием МВД, главой которого стал Лаврентий Берия. Дела государственной безопасности в объединенном министерстве отошли Главному управлению госбезопасности во главе с Всеволодом Меркуловым.

Берия как первый послесталинский «демократ» сразу развернул бурную деятельность по подготовке материалов для амнистии многочисленной армии заключенных и 26 марта направил в Президиум ЦК КПСС пояснительную записку с проектом Указа по данному вопросу.

В ЦК предложение одобрили и уже на следующий день, то есть через 22 дня после смерти Сталина, Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об амнистии», а 28 марта этот правовой акт был опубликован на первых страницах центральных газет. [...]

К началу 1953 года, по данным МВД, в СССР содержались в лагерях, тюрьмах и колониях 2 526 402 человека. Контингент политических заключенных составлял около 465 тысяч человек.

Согласно официальной отчетности МВД СССР, по амнистии было освобождено 1 201 738 человек.

Основную массу вышедших на свободу составляли лица, осужденные за незначительные преступления, сроки наказания за которые не превышали 5 лет (мелкие воры, хулиганы; руководители предприятий, председатели колхозов, инженеры, допускавшие незначительные должностные и хозяйственные наруше-

ния), а также беременные женщины (6286), женщины, имевшие при себе в лагерях детей до двухлетнего возраста (35 505), лица, страдавшие тяжелым неизлечимым недугом (198 000) и некоторые другие категории заключенных. [...]

27 августа 1954 года начальник Владимирской тюрьмы вызвал фигурантов дела «Министры» и сообщил, что решением правительства они освобождаются досрочно и могут отправляться куда хотят, кроме Прибалтийских республик и режимных районов.

Во Владимире знакомых у Марии не было, а поиски съемного жилья не дали результатов, и она вернулась в тюрьму. Но казенный дом приютил Марию на короткий период, и ей не осталось ничего другого, как обратиться за помощью во Владимирский городской комитет партии. Секретарь горкома попросил заместителя начальника тюрьмы оказать Марии содействие в поиске жилья. Во владимирских приютах все места были заняты, но после долгих поисков нашлось свободное место в доме престарелых для интеллигенции в районном центре Меленки.

Марии определили пенсию в размере 500 рублей в месяц, этого вполне хватало на жизнь: полное обеспечение в доме престарелых стоило 450 рублей и 50 рублей оставалось на карманные расходы. [...]

Летом 1961 года, прожив в Меленках семь лет, Мария окончательно решила переехать в Эстонию – на родину мужа, которая стала для нее родной. 28 июля она написала председателю Совета Министров ЭССР заявление:

В этом году окончится мой срок обязательного жительства в гор. Меленки, и я получу новый паспорт, который снимает с меня все ограничения и дает мне право проживать в любом месте. На основании этого смею просить Вас о разрешении вернуться мне в Эстонскую ССР, где я прожила 22 года, где похоронены мои сын, мать и где живут мои родственники. Мне 72 года. Некоторое время назад я сломала кисть правой руки, в связи с чем я не могу себя обслуживать. Во имя гуманности прошу Вас не отказать мне, старой женщине, в просьбе. Уже несколько лет назад правительства Латвийской и Литовской ССР разрешили вернуться членам бывших буржуазных правительств (заместителю Ульманиса, старшему министру генералу Балодису, Меркису, министру иностранных дел Урбшису). Я

получаю пенсию и не имею ни к кому никаких претензий.

*С уважением
М. Лайдонер*

Здоровье Марии ухудшалось, к старым тюремным болезням добавилась новая: развивалась старческая деменция. Ей потребовался постоянный медицинский уход, и ее определили в Ямеялскую психоневрологическую больницу (ПНБ). Но теперь возникла новая головная боль – Мария не имела права проживания в Вильяндиском районе. Руководство ПНБ решило проблему без помощи беспомощной Марии и 9 июня 1977 года исполняющий обязанности главврача Э. Унтера направил в Совет Министров Эстонской ССР письмо следующего содержания:

Гражданка Лайдонер Мария Антоновна, 1888 года рождения второй раз, начиная с 3 августа 1976 года, находится в Ямеялской Республиканской психоневрологической больнице с диагнозом: старческое слабоумие. По своему душевному состоянию больная не в состоянии самостоятельно жить вне больницы. Так как ей разрешено проживать лишь в гор. Хаапсалу, то настоящим ходатайствуем о разрешении Марии Лайдонер проживание в Вильяндиском районе, на территории которого располагается названная больница.

Решение проблемы затянулось больше чем на год, но в конце концов было получено разрешение на право проживания на всей территории Эстонии. Мария прожила еще 16 лет и умерла на 90-м году жизни. Похоронена на кладбище в центре Таллинна, рядом с могилами ее матери и пятнадцатилетнего сына Микаэла. [...]

В конце моей книги «Первый президент Эстонской Республики Константин Пятс. Заключенный № 12» есть глава «Возвращение на Родину» о поиске могилы Пятса на чужбине и перезахоронении его останков в Таллинне на Метсакальмисту. А вот о генерале Лайдонере ничего подобного я рассказать не могу.

В ночь с 13 на 14 марта 1953 года Лайдонера захоронили вместе со скончавшимся в той же тюрьме и в тот же день бывшим вице-премьером Польши Яном Станиславом Янковским на кладбище Владимирской тюрьмы. В 1988–1991 годах я занимал должность зампреда КГБ Эстонии и помимо основных обязанностей по службе отвечал за работу группы по реабилитации. В то время мы направили запрос в Управление КГБ по Владимирской области с просьбой уточнить место захоронения генерала Лайдонера. Тогда был еще жив один

из тех трех сотрудников тюрьмы, кто предал генерала земле. По утверждению того человека, установить точное место захоронения было невозможно, так как могила Лайдонера не сохранилась. По той части кладбища, где находились заброшенные и затерянные могилы, в том числе место погребения Лайдонера и Янковского, проложили дорогу. Их прах оказался под асфальтом.

13 февраля 1999 года, в день 125-летия со дня рождения Лайдонера, на воротах кладбища недалеко от предполагаемого места его захоронения по договоренности между Россией и Эстонией была открыта Мемориальная доска. На церемонии открытия выступили посол Эстонии в России, министр обороны Эстонии, представитель Генерального штаба эстонской армии, председатель правления Международного общества «Мемориал» Арсений Рогинский, председатель эстонского землячества в Москве. Церемонию завершил капеллан эстонской армии, помянувший генерала Лайдонера торжественным словом и молитвой. Кроме выступивших на церемонии присутствовали посол Финляндии, военные атташе Эстонии, Латвии, Швеции, директор музея Лайдонера в Таллине, другие официальные представители ряда стран, граждане которых прошли суровую «школу жизни» во Владимирской тюрьме. Присутствовал мэр города Владимира И.В. Шамо́в.

Позже памятную доску Лайдонеру перенесли на мемориал ближе к стене централа, где установлены также мемориальные доски Я. С. Янковскому и умершим в плену японским солдатам. [...]

Не забыт Лайдонер и на родине. Накануне Дня Победы, 22 июня 2004 года, в Вильянди был открыт бронзовый монумент. Это скульптура работы скульптора Терье Оявезера высотой 2,7 метра, водруженная на гранитное основание. Лайдонер, как и подобает крупному военачальнику, изображен в классическом стиле: верхом на коне, в военном мундире и с саблей на боку.

[...] 12 февраля 2014 года, в день 130-летия генерала Йохана Лайдонера, перед зданием военного музея в Виймси был открыт памятник ему и его жене. [...]

Рукописный материал этой книги уже был передан в издательство, когда я получил дополнительную информацию о заключенном № 11.

14–16 июня 1941 года, в дни первой массовой депортации гражданского

населения из Эстонии, были арестованы также 40 офицеров Оборонительных сил Эстонской Республики. После советизации Эстонии в 1940 году эти офицеры вместе с другими военными «буржуазной» армии Эстонской Республики перешли на службу в 22-й территориальный Стрелковый корпус в составе Красной армии. Однако по указанию заместителя народного комиссара госбезопасности Виктора Абакумова за неделю до начала войны офицеров арестовали и вместе с арестованными офицерами из Литвы и Латвии отправили в Юхновский лагерь для военнопленных. Но началась война, немецкие войска стремительно продвигались в глубь страны, и арестованных, которые еще не успели обустроиться на новом месте, снова погрузили в вагоны и отправили подалее от линии фронта – в Сибирь. В итоге они оказались за полярным кругом в Норильлаге.

16–19 декабря 1941 года над 391 офицерами состоялся суд. По приговору выездной сессии Таймырского окружного суда Красноярского края эстонские офицеры были признаны виновными в измене Родине, организации заговора, направленного на подготовку вооруженного восстания с целью захвата власти в Эстонии, и на основании ст.ст. 58, 58-1 «б», 58-11 УК РСФСР, все, без исключения, осуждены к высшей мере наказания – расстрелу. Расстреляны были не только офицеры, осужденные Таймырским окружным судом, но и сотни эстонских военных в других лагерях. Например, в том же Норильлаге расстреляли генералов Хуго Каулера и Херберта Бреэде.

Я же рассказываю подробно только о 40 офицерах, которые проходили по одному групповому делу, в ходе надзорного рассмотрения которого было принято важное юридическое решение.

Незадолго до распада СССР, 27 июня 1991 года, Прокуратура Эстонской ССР обратилась в Генеральную прокуратуру СССР с предложением о реабилитации офицеров, проходивших по уголовному делу под упомянутым № 26631. Положительный ответ эстонцы получили в ноябре 1992 года – уже из самостоятельной России. Старший прокурор Военной прокуратуры Российской Федерации полковник юстиции Чичуга А. В., рассмотрев уголовное дело, нашел, что выводы Таймырского суда о виновности подсудимых в организации военного заговора и измене Родине основаны на противоречивых, неконкретных показаниях, неподтвержденных объективными доказательствами.

Мемориал у стены Владимирского централа. Венок Лайдонеру обвязан сине-черно-белой лентой – цвета флага Эстонской Республики

Открытие памятника Марии и Йохану Лайдонерам в Виймси 12 февраля 2014 года.

Кроме приведенных обвинений подсудимым вменялось в вину еще совершение ряда других преступлений: одним – активное участие в боях против Красной армии в период Освободительной войны (1918–1920), подавление «восстания эстонского пролетариата» 1 декабря 1924 года, другим – участие в организации «Кайтселиита», третьим – антисоветская агитация, четвертых, которых было большинство, обвинили сразу во всех упомянутых «грехах».

В постановлении от 1 сентября 1992 года полковник Чичуга сделал верный вывод: 40 офицеров, которые проходят по рассматриваемому им в порядке надзора уголовному делу, неподсудны ни по одному из пунктов обвинений, и постановил считать их реабилитированными как необосно-

ванно осужденными по политическим мотивам. [...]

Сослуживцы Лайдонера, политики, историки, военные люди других стран, которые были знакомы с ним по прошлым войнам или в мирное время, давали ему как полководцу самые лестные характеристики. Эти отзывы опубликованы в разных странах, на разных языках. Я приведу лишь некоторые из них.

«Капитан Генерального штаба Лайдонер показал себя на фронте Первой мировой войны крайне хладнокровным, решительным офицером, свои мысли он выражал четко, просто и influentially».

Рихард Маазинг, полковник

«Решительный характер Лайдонера, его высокое благородство четко проявлялись именно тогда, когда обстановка в стране была особенно опасной. Он был неутомимым борцом, который действительно любил и верил в свой народ и свои отважные войска – такой же герой как наш герцог Веллингтон и позднее – лорд Китченер».

Уолтер Кован, адмирал, Великобритания

«Трудные задачи, которые предстояли решать Лайдонеру, его неимоверная популярность развили в нем определенное чувство гордости. Но эту гордость приземляли его истинная интеллигентность и природная скромность. Его живой, прямодушный взгляд отражал большой интеллект и твердый характер. Откровенные разговоры с генералом позволяют мне говорить о нем как об уравновешенном и рассудительном человеке – достойном представителе крепкой расы».

Р. Хурстел, представитель французской миссии в Эстонии в 1919 году

«Для Эстонии было великим счастьем, что в то сложное время у нее на службе был такой человек, как генерал Лайдонер. Он был молод, умен, физически крепок, волевой, рассудительный в мыслях и принимаемых решениях. В его спокойном теле стучало крепкое и бесстрашное сердце».

Хьюберт Гоф, генерал, Великобритания

«С таким полководцем, как генерал Лайдонер, встанут на защиту своей отчизны и готовы за нее хоть умереть все эстонцы: мужчины, женщины и дети».

А. Бурт, генерал, Великобритания

«Освободительная война Эстонии и имя Лайдонера неразрывно связаны в наше время и останутся связанными в истории. Нет Лайдонера без Освободительной войны, также как немислимо назвать борьбу Эстонии и ее южного соседа за самостоятельность без того, чтобы не упомянуть при этом имя генерала Лайдонера. И кто знает, куда повернуло бы колесо истории некоторых других народов, если бы не было бы независимых Эстонии и Латвии».

Адо Андеркоп, министр обороны, министр внутренних дел и министр юстиции Эстонской Республики в 1925–1933 годах

«Ваш главнокомандующий – большой человек. Эстония для размаха его деятельности мала. Вы должны быть счастливы, что судьба подарила

Эстонии такого полководца и государственного деятеля».

Тораширо Кавабе, генерал, военный атташе Японии в Европе, 1939 год

Из высказываний Лайдонера:

«Нынешняя Эстония должна взять формирование своего будущего в собственные руки – другого пути нет. На это утверждение народ ждет от армии твердого слова».

Январь 1918 года

«Ни один народ не стал самостоятельным с помощью деклараций и манифестаций. И нам тоже независимость придется отвоевывать».

Лето 1918 года

«Граждане республики! К вам обращается главнокомандующий в роковой для страны час. Каждый мужчина, кому дороги свобода и демократическое устройство государства, благополучие народа и лучшее будущее страны, обязан взять в руки оружие с тем, чтобы отеснить врага из границ Эстонии».

29 декабря 1918 года

«Уверенное и скорое подавление армией попытки коммунистического мятежа 1 декабря 1924 года в дополнение к освободительной борьбе в 1918–1919 годах показывает, что наши оборонительные силы были и впредь будут краеугольным камнем независимого бытия народа и государства».

Январь 1925 года

«Была бы уверенность, что кто-нибудь придет нам помощь и эта помощь поступит конкретно в такое-то время, тогда мы вступили бы в бой. Наш исторический долг – не идти с народом на верную гибель, но стараться вести его через трудности так хорошо, насколько мы это умеем».

Сентябрь 1939 года

«Мне, пожалуй, труднее всего сказать: против России нам сейчас не устоять, но все же я должен это сделать, чтобы сохранить свой народ».

Октябрь 1939 года

«Государственная независимость для культурного развитого народа является наивысшим идеалом, пределом его мечтаний. В том, что Эстония стала независимым государством, кроме заслуг других людей есть и частичка моего труда. И за эту работу я не боюсь нести ответственность ни перед историей, ни перед народом».

Октябрь 1944 года

Из приказов Лайдонера:

«Требую от всех командиров в армии и «Кайтселийта» употребления всех средств, чтобы не допустить грабежей. Лиц, задержанных во время грабежей, расстреливать на месте».

Приказ № 1. 26 декабря 1918 года

«Обязательная мобилизация началась, но приведение частей в боеспособное состояние требует времени, которого у нас сейчас нет. Серьезной и действенной помощью войскам являются батальоны добровольцев. Такие батальоны необходимо формировать в каждом уезде. Новые части должны состоять из надежных мужчин, которые четко понимают: только победа в Освободительной войне принесет народу и стране лучшее будущее».

Приказ № 2. 29 декабря 1918 года

«В нынешней трудной ситуации, когда войсковые части и народные батальоны ведут бои против врага, не к лицу веселиться за спиной этих людей. Посему приказываю закрыть все народные дома. В гостинцах и ресторанах запретить играть музыку».

Приказ № 5. 30 декабря 1918 года

«Запрещаю какое-либо вмешательство военной силы во внутривнутриполитическую жизнь страны. Наша задача – изгонять врага из пределов Родины. Окончательное решение о государственном строе является прерогативой Учредительного собрания. До созыва Учредительного собрания высшей властью в стране признается Маапьяэв и Временное правительство. Другого пути не должно быть».

2 февраля 1919 года

«Мы не хотели войны, это факт известен всем. Мы вынуждены были взять в руки оружие, чтобы выступить против вторгнувшегося к нам врага».

4 февраля 1919 года

Памятник Лайдонеру в Вильянди.

Сердце чаще будет биться,
Как увижу вдруг тебя.
Когда в платице из ситца
Ты пройдёшь мимо меня.

А когда же в сарафане
Вдоль деревни ты идёшь,
От твоей улыбки, стана
Глаз никак не оторвёшь.

Всё село у нас гордится
Твоей чистой красотой
И никак не наглядится
Твоей длинною косой.

Берёзка

Подхожу ли утром, вечером к окошку,
Вижу, как природа плачет и грустит.
А с берёзки белой прямо на дорожку
Ветер листья жёлтые сбросит норовит.

Осенние дожди уж смыли зелень лета,
И ночи тёмные становятся длинней.
А берёзка стройная стоит полураздетой
И словно бы стыдится наготы своей.

Скоро и черёд зимы наступит снежной,
Небо всё затянуто сероватой мглой.
Будет спать берёзка тихо, безмятежно,
Чтобы вновь проснуться раннею весной.

Она сидела за столом
И письмо ему писала.
Вместе с мыслями о нём
По щеке слеза стекала.

Никогда ещё она
Не ждала так, не любила.
Чья же всё-таки вина,
Что судьба их разлучила?

Так случилось, что в тюрьме
Он сидит уже три года.
И ему в тяжёлом сне
Всё мерещится свобода.

Десять вечера всего,
Спит давно уже сынишка –
Так похожий на него
Непоседливый мальчишка.

В полночь ляжет спать она,
Но заснёт ещё не скоро.
Рядом – только тишина,
Нет того, кто сердцу дорог.

Станет грустно на душе –
Ждать его ещё немало.
Только мысль о малыше
Её сердце согревала.

Трагедия в Крещение Господне*

Перед купелью ледяною на реке
Молодая женщина крестилась.
С крестиком серебряным в руке
С головою в воду погрузилась.

Время ожидания прошло,
Из воды она не показалась.
Под лёд её теченьем унесло,
И под ним она так и осталась.

Бросались вслед за ней её друзья,
Ныряли и терзались от бессилья,
Спаси её уже было нельзя –
Напрасны оказались их усилья.

Был слышен плач ребёнка, его крик
На речном заснеженном просторе.
Как пережить ему ужасный миг,
Как справиться ему с постигшим горем?

Никто не знает, где теперь она
И где покой душа найти сумеет?
Повиснет теперь в доме тишина,
В котором без неё жизнь опустеет.

Перед купелью ледяною на реке
Молодая женщина крестилась...
Не ко всем живущим на Земле
В этот день приходит Божья милость.

19.01.2022

Ранний снег пушистый в комочках –
На ветвях словно вата висит.
На деревьях нет ни листочка,
Вся природа давно уже спит.

Во дворе, на дорогах сугробы,
И тропинки совсем занесло.
А зима всё метёт «небоскрёбы»,
Чтоб земле всё же было тепло.

Пусть и дальше идут снегопады,
И крепчает мороз с каждым днём.
Мы с тобою, мой друг, будем рады
В зимний вечер согреться вином.

*Несчастный случай произошел 19 января 2022 года под Гатчиной, в необорудованной купели на реке Оредеж. Для 41-летней жительницы Санкт-Петербурга, утонувшей на глазах мужа и детей, это погружение стало последним в жизни. Тело женщины было найдено через 10 дней в одном километре от самодельной проруби.

Осени отметинки

Деревья сбросили листву,
Остались ветки чёрные.
И дни, и ночи на ветру
Качаются покорные.

Они уже не шелестят,
Как это было летом.
Когда в зелёный свой наряд
Они были одеты.

И рядом плавают в пруду
Листья, как билетики.
У всех прохожих на виду,
Осени отметинки.

Когда приходит зимний вечер,
И на дворе уже темно,
Я зажигаю в доме свечи
И в тишине я пью вино.

Когда-то смех тут раздавался
Любимой женщины, друзей,
Они ушли, а смех остался
Лишь в слабой памяти моей.

И только пёс со мною милый,
Мы с ним давно уже вдвоём,
Он, как и я, теряет силы
И всё дряхлеет с каждым днём.

И если первым в день унылый
Закончу я свой путь земной,
Мой пёс приляжет у могилы
В тоске с поникшей головой.

Ангел-хранитель

Встану я ночью – ангел со мной
Будет незримо сидеть на постели.
Он ведь всегда у меня за спиной
В дождь проливной и зимою в метели.

Не раз спасал он меня от бед,
В минуты печали со мною был рядом.
И, как старший брат, давал мне совет,
Зная лучше меня, что мне надо.

Стремится спасти от грехов он нас,
Мы же порою о нём забываем.
Пока в глазах наших свет не погас,
Мы всё же на помощь его уповаем.

Ему открываем мы тайны свои,
Он к нам проявляет сердечность.
Когда же прервутся земные пути,
Отведёт наши души он в вечность.

Смерть генерала

Боль его всё мучила сильней,
Бессонными уже и ночи стали.
Генерал лежал на белой простыне,
И мысли мрачные его одолевали.

Ещё недавно был он полон сил,
И рядом с ним была всегда удача.
Всю жизнь свою он Родине служил
С любовью к ней и полною отдачей.

И всё же часто вновь переживал
Те времена – Чечни, Афганистана.
Тогда душой не всё он принимал,
И оттого на ней остались раны.

Болезнь подкралась как-то незаметно,
Боролся с ней, пока хватало сил.
И даже крестик маленький заветный
На груди с надеждою носил.

И было мужества ему не занимать,
Ходил не раз с солдатами в атаку.
Теперь с трудом мог голову поднять,
Но здраво мыслил до сих пор, однако.

Собравшись с силами, достал он пистолет,
И ствол погладил слабою рукою.
Раздался выстрел, и померк весь свет
Для генерала с раненой душою.

В степях, городах Украины
Рвутся снаряды и мины,
Идут непрерывно бои.
В степях, городах Украины
Воюют когда-то свои.

Гибнут и мирные люди,
В страхе от взрывов бегут.
Не ведая, что с ними будет,
Там, где не очень их ждут.

Воюют два близких народа,
Не в силах друг друга понять.
Политики разного рода
Сумели войну развязать.

Время, быть может, рассудит,
Кто прав из них, кто виноват.
Но дружбы народов не будет,
Как было лет сорок назад.

Апрель 2022 года

«Заклятые друзья»

Альцгеймер, Паркинсон –
«заклятые друзья»,
Они давно нам в общем-то знакомы.
Нам убежать от них никак нельзя –
Они как-будто старости законы.

Но жить я с ними всё же не хочу,
Общенье с ними лишь печали множит.
Хожу я с ними иногда к врачу,
Надеясь, что он чем-нибудь поможет.

Свою жену порой не узнаю –
С женщиной чужой живу в квартире.
Я с ней обедаю и на кровати сплю,
И хожу без сна часа в четыре.

«Друзей заклятых» можно и сравнить,
Давно уже ведь кто-то говорил,
Что лучше рюмку на штаны пролить,
Чем позабыть, куда бутылку положил.

Становится мне легче по весне,
Не беспокоят так «заклятые друзья»:
Я помню всех, кто должен деньги мне,
Хотя забыл, кому же должен я.

Печень ноет, грудь болит,
Стул в неделю разовый.
До чего же довели
Нас болячки разные!

Голова уже с утра,
Болями достала.
Оттого-то и хандра
Часто гостьей стала.

И суставы все скрипят,
Видно, нет уж смазки.
Порой лёгкие хрипят,
Словно у савраски.

А бессонница уже
Тоже всех достала.
Бродим ночью в неглиже
В комнате устало.

Доживаем век мы свой
По-старчески уныло.
Господи ты Боже мой!
Пошли здоровья, силы.

За окошком – куст сирени,
Всё цветёт кругом.
Аромат цветов весенних
Наполняет дом.

Пташки весело щебечут,
Прыгают в траве.
А потом летят навстречу
Солнцу в синеве.

За околицей деревни
Просто благодать.
Ветер ласковый весенний
Хочется обнять.

На цветы садятся пчёлы,
Ползают, гудят.
Ах, какой же он весёлый
У весны наряд!

Ушедшим ветеранам

Ещё один ушёл от нас
В последний путь незримый.
Ещё один из нас угас
С судьбой неповторимой.

Мы уже в который раз,
Друзей своих теряем.
И с неизбежностью мирясь,
Их в вечность провожаем.

И стоим, в руках цветы,
От грусти молчаливы.
Будут с нами их черты,
Пока мы сами живы.

Вспоминая их, грустим
И душой болеем.
Память светлую по ним
Мы сохранить сумеем.

Август 2022 года

Не принимайте жизнь всерьёз

Не принимайте жизнь всерьёз,
Она, как сон, короткий, сладкий,
И тут, и там горят лампадки
Среди кладбищенских берёз.
Не принимайте жизнь всерьёз.

Не принимайте жизнь всерьёз,
И смысл её найти пытаться,
Тогда и легче расставаться
Будет с ней без лишних слёз.
Не принимайте жизнь всерьёз.

Не принимайте жизнь всерьёз,
Ведь всё равно она обманет.
Однажды вдруг совсем увянет,
Как тот букет из алых роз.
Не принимайте жизнь всерьёз.

Не принимайте жизнь всерьёз,
Не привыкайте к её будням,
К её соблазнам, близким людям
И с кем общаться довелось.
Не принимайте жизнь всерьёз.

Не принимайте жизнь всерьёз,
Она проходит быстротечно.
А там в пространстве бесконечном
Нет страданий, как и слёз.
Не принимайте жизнь всерьёз.